ПЕРВЫЙ В РАЮ

Павел Чупров

Павел Чупров

Первый в раю

«Издательские решения»

Чупров П.

Первый в раю / П. Чупров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503726-8

Будущее не случайно, оно придает смысл настоящему и объясняет прошлое. Но цель истории не только в будущем — она растворена в происходящем. Герои этой книги пытаются понять, для чего совершаются события, участниками которых они являются.В неблагополучии человек исполняется полнее, чем в обыденности. Поэтому первым в раю был разбойник.Судьбы героев являются живой тканью большой Истории, смысл которой придает значение всему, что в мире совершается.

ISBN 978-5-00-503726-8

© Чупров П.
© Издательские решения

Содержание

Благодарю тебя 6
Не бери меня взаймы 16
Вот они – Фили 36
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Первый в раю

Павел Чупров

Дизайнер обложки Александр Грохотов

© Павел Чупров, 2019
© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3726-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарю тебя

Они с Вадиком смотрели в крошечное окошко, прорубленное из предбанника в сад, и вспоминали мелочи жизни сорокалетней давности. Курить выходили во двор прямо в тапочках. Ноги замерзнуть не успевали. Крупные снежинки липли к бревнам баньки, к переплету окна и к веткам черных яблонь.

– Я часто в последние годы приезжаю сюда в отпуск, – сказал Сергей. – Но ни тебя, никого другого найти не мог. Перемерли сверстники наши, спросить толком не у кого. Чужим стал родной городок.

– Ну, не все перемерли. А кое-кому это даже не повредило, – Вадик засмеялся. Сергей понял, о ком он сказал.

Удивительная вещь – память. Картинки из памяти встают перед глазами все разом, как веер карт. После водки с древними шуточками стало казаться, что юность – это не период жизни, а сама жизнь. До юности было только созревание. Так яркой бабочке-однодневке мучительно долго необходимо быть гусеницей. Ну а после… Сравнение так и не нашлось.

Сергей и не искал. Вадик шарил рукой под столом в поисках очередной бутылки, а он, юный и веселый, уже шел по родному городку, и как бы и не было сорока лет блужданий по жизни…

***

Сергей Шевцов шел по родному городку. В кармане терся уже ненужный железнодорожный билет – коричневый картончик с дырочкой посредине. Он поднялся по крутой улочке по булыжной мостовой, и наверху, у церкви, свернул налево, потом еще раз налево, вглубь квартала, и навстречу ему из блеклой зелени выглянул двухэтажный дом из серого кирпича.

Он вошел в темный прохладный подъезд, поднялся по лестнице, нашел под ковриком ключ, открыл дверь и босиком прошлепал по деревянным крашеным полам. Ноги прилипали к доскам и оставляли быстро высыхающий потный след. В комнате, где он жил до поступления в институт, было все по-прежнему, а вот за окном нет: рябина разрослась, и новый дом закрыл далекий изгиб реки.

Сергей провел рукой по корешкам книг и сразу все вспомнил – что лишнее и что не на месте. Присутствие новых, ненужных ему книг было похоже на присутствие в компании близких друзей чужих и неприятных лиц, от которых хочется быстрее избавиться. Сергей сел за облезший письменный стол, за которым провел свои школьные годы. В старших классах он почему-то отдалился ото всех, гулять выходил только вечерами, когда стемнеет, и на пустых улицах он изредка встречал большегрудых одноклассниц в обнимку с курсантами летного училища. Миновав их, он часто слышал за собой сдавленный смешок. Он возвращался к себе за письменный стол, и скрежет железнодорожных составов за рекой в сосновом бору странно гармонировал с его одиночеством и любимыми книгами.

Пришли родители с местными новостями: недавно Мопа и Кисель избили директора кинотеатра – он, сердечник, сейчас в больнице. Возбуждение от приезда прошло. После обеда он встал и хотел уйти, но мама сказала: «Побудь с нами еще, сынок», и он, закурив столичную сигарету, долго смотрел на политическую карту мира, испокон веков висевшую на кухне. Потом взял с подоконника местную газетку и на последней странице прочитал:

– «В июне за мелкое хулиганство сотрудниками РОВД задержано 59 человек. В основном эти лица, находясь в нетрезвом состоянии, бесцельно бродили по улицам города и сел и сквернословили. Все они оштрафованы народным судом, а Вадим Андрианов в течение двух месяцев будет выплачивать по 20% из своего заработка».

– Вот те на! Вадика в армию еще не загребли? Не слышали?

– Увиливает твой Вадик, весь город знает, – ответил отец. Сергей продолжил читать.

– «Смертельные случаи на охоте в нашей области не редкость. Совсем недавно „добытчики“ убили двух женщин, убиравших картошку на своем огороде, – издалека приняли их за кабанов. Заместитель председателя одного из райисполкомов по неосторожности пристрелил егеря. И, наконец, последнее происшествие…» – Сергей засмеялся, вставая из-за стола. – Представляю тех двух женщин, если их с кабанами перепутали. Все-таки пройдусь.

Мама дала трешку на кино и начала разбирать его вещи, а отец прилег на диван, укрывшись от мух свежей газетой.

Сергей пошел по тенистой улице под старыми раскидистыми липами. Все кругом очень быстро вспоминалось, узнавалось и приятно волновало. Он пришел на окраину городка к нелепому красному кирпичному дому с полуподвалом, и, повернув железное кольцо на тяжелой калитке, увидел Вадика Андрианова рядом с дохлым псом. Оказалось, что Вадик запер на ночь привязанную собаку в сарае, чтоб не лаяла, а крышку погреба закрыть забыл, и пес свалился в погреб и повесился на собственном ошейнике.

В огороде возле плетня они вырыли яму, завернули окоченевшее собачье тело в мешок и зарыли. Мамину трешку взяла молоденькая продавщица в пивбаре, и Вадик перегнулся через прилавок и хлопнул ее по заду. Она привычным жестом отбросила его руку и серой тряпкой вытерла лужицу пива возле крана.

Вечером они пошли в горсад: Вадик играл в оркестре. Сергей остался на танцплощадке. И там было все: любопытные взгляды девушек, оценивающего его – стройного, изящно одетого парня, и тоска, неожиданно подхватываемая и раздуваемая в резонанс попавшей мелодией. И, когда Вадик, сидевший на эстраде за кучей разной формы и окраски барабанов, трещоток и тарелок, кривляясь и ерничая, объявил белый танец, Сергея кто-то тронул за локоть. Его глаза в толпе потных тел встретились с девичьими глазами, в которых отражалась его собственная незащищенность. Обжигаясь, пальцы сквозь тонкую кофточку почувствовали плотную ткань девичьего белья, и ладони не находили себе места, не вынося столь быстрой интимности. Он глубоко вздохнул – до дна голодных легких, и сразу почувствовал всю ее: коленки, животик, грудь, и кожа в тех местах не забывала этого прикосновения и горела весь вечер.

А потом были пустые, звенящие от пустоты улицы, и испуганные глаза девушки, когда Сергей, спотыкаясь, нечаянно касался ее. И руки уже готовы лечь ей на плечи и скользнуть вниз, где холодная кожа бедер, и горячая кожа живота под трусиками, и тугая, упорная девственность, но все это почему-то невозможно сегодня, и ладони прилипли к собственным замерзшим плечам. И вот уже домик с тремя окнами на улицу, и кирпичный забор с узкой калиткой, и девушка поднимается по крыльцу, и Сергей слышит каждый удар каблучков по доскам: раз-два-три-четыре-пять, и все в душе будто дрожит и расплескивается, как стакан с чаем в набирающем скорость поезде. И надо идти домой, мимо школьного садика с кислыми яблоками, а дома на письменном столе стоит стакан простокваши, накрытый куском хлеба, посоленного крупной солью, и в окно на свет влетают зеленые мошки с быстрым, но коротким пролетом…

***

Утром, еще лежа в постели, Сергей услышал:

– Серега, вставай, пойдем кайф щемить!

Он выглянул в окно и увидел Вадика с пустой трехлитровой банкой под мышкой. Друг стоял на асфальтированной площадке перед подъездом, задрав голову вверх, и хохотал.

Наполнив пивом банку у молоденькой продавщицы с круглым задом, они пошли за раками. Они перешли дощатый мостик, на котором лежали бетонные сваи, чтобы мост

не унесло паводком, прошли заброшенный пляж, заросший колючками, разделись и на обрывистом берегу реки ходили по горло в воде по подводному карнизу, нащупывая ногами норки. Иногда по ногам скользило что-то холодное и колючее, и нужно было нырнуть и засунуть руку в нору, и в конце нора шла немного вверх и в бок. Там обычно сидел рак, и чем меньше он был, тем больнее кусал, и нужно было умудриться взять его за шею. Иногда рука застревала в норе, и не хватало воздуха, и приходилось бросать рака, выныривать и запирать норку ногой, чтобы, отдышавшись, нырнуть снова. А иногда норки были пустые, и в одной из них Вадик поймал окунька, прокусил ему глаза и опять бросил в воду, и окунек короткими зигзагами крутился возле парней, и его можно было легко поймать снова, но о нем забыли, когда вышли на берег.

Пойманных раков завернули в несколько газет и подожгли. Когда бумага сгорела, раки были уже красные и готовые к употреблению, но один – самый большой и тоже уже красный, шевелил клешнями. Вадик сломал ему панцирь на хвосте, достал белое мясо в красных крапинках, съел, запил пивом и сказал: «Свежачок». День был прекрасный, раки с пивом были вкусными.

Потом они вернулись на заброшенный пляж в одних плавках, неся одежду и шлепанцы в руках. Лариса Кравчук, которую Сергей провожал вчера с танцев, в пестреньком купальничке лежала на покрывале, листала учебник, готовясь к вступительным экзаменам в губернское музучилище, и грызла яблоки. Рядом ходили гуси, чуть ли не вырывая изо рта огрызки. Глядя издали на девушку, Вадик сказал, что у нее уже все отросло как следует. Он давно этого ждал – с тех пор, как в музыкальной школе заметил у нее проявление вторичных половых признаков. У Ларисы были узенькие плечи и еще более узкая талия.

Ребята бросили одежду и шлепки рядом с одеялом Ларисы. Она смотрела на них, прикрывая улыбающийся рот яблоком. Вадик сказал, дурачась: «А теперь приступаем к водным процедурам». Лариса заколола длинные рыжеватые волосы в пучок, встала и пошла к реке. Вадик учил ее плавать, беззастенчиво трогая за самые нежные места. Он мастерски бил ладонью по воде, и в мелких брызгах на миг вспыхивала радуга. Вадик крикнул:

– Серега, а правда, что в Москве в Ботаническом саду негра повесили на каком-то редком дереве?

Сергей ответил, что это возможно. Ему самому эстетическое чутье подсказывало нечто в этом роде. Правда, в центре он обычно представлял себя, но новый вариант, вроде бы, удачнее.

Он понимал, что рисуется перед Ларисой, но за это стыдно не было: в юности почти любой способ произвести впечатление на девушку казался приемлемым. И еще он чувствовал, что Лариса хорошо понимает, почему он так говорит. В принципе, это не было глупой рисовкой. Это было вот чем: «Ты меня очень-очень-очень интересуешь» – «Просто интересую?» – «Не просто, а очень и очень» – «Но про негра ты зря» – «Какого негра? Причем тут негр?» – «Я уже сама забыла».

***

Вечером они с Ларисой были на стадионе. Скамейки из узких досок тянулись во всю южную трибуну. Лариса держала на коленях учебник и читала, а Сергей смотрел на нее. Закат сначала был огромный, в полнеба, и красный, а потом вдруг съежился и вместился между двух домов. Буквы на сером листе слиплись в серый прямоугольник.

Когда Сергей поцеловал ее, правая рука девушки легла ему на спину, а тело напряглось, сохраняя равновесие. Он крепко обнял Ларису, с удовольствием чувствуя приятную тяжесть девичьего тела. За их спинами в кустах шмыгали и кричали кошки. Целоваться сидя было неудобно, да и потом стало как-то неловко, когда они встали. Было такое чувство, будто поезд, набравший скорость в вечер их встречи, затрясся на небрежно сделанных стыках.

Ночью Сергей лежал и думал, что хорошо бы привести Ларису в катер, ржавеющий на берегу реки, и там в каютах остались целые скамейки, и сделать с ней так, потом так, а потом вообще так, чтобы не воображала…

***

А потом были две недели без нее: Лариса уехала сдавать вступительные экзамены. Сергей днями валялся с книгой на диване, а по утрам и вечерами ходил на реку. Вечерами вода была темной и гладкой, разве что посредине реки немного рябило, и то редко. Он входил в теплую воду, и в волнах отражения прибрежных кустов и деревьев шевелились и дробились, а потом срастались опять.

По утрам на траве кучками грязноватого снега лежали гуси и спали, засунув головы под крыло. Их шеи были похожи на пожарные шланги, спрятанные в карман. И почти каждый раз крупный гусак шел в атаку на Сергея, растопырив крылья и стеля шею по земле. Его клюв раскрывался до отказа, и внутри виднелся желтый вибрирующий язык. Гуси гоготали, поднимаясь. Вожак уходил, громко хвастаясь своей победой.

Лариса вернулась в теплый июльский вечер. В горсаду, где в это время собиралась вся молодежь городка, они немного постояли под каштанами, глядя на танцующих и здороваясь со знакомыми. Когда знакомых стало слишком много, они ушли. На заброшенном пляже паслось несколько лошадей – изредка они переступали передними спутанными ногами. Сергей с Ларисой сидели на берегу и смотрели на оставленный город. Лариса веткой отмахивалась от комаров, а Сергей дымил сигаретой. Было скучно.

Он лег на траву и уставился в небо. Музыка неслась из горсада и, отражаясь от леса, возвращалась назад. С закрытыми глазами казалось, что оркестр играет в лесу. Он взглянул на Ларису, которая была, как каменная, и стало еще грустнее. Они молча пошли вдоль реки, мимо овсяного поля, мимо крохотных огородных участков, на которых стояли такие же крохотные домики. На участке родителей вообще был только сарайчик для инструментов. Они прошли мимо гудящего элеватора, и музыка, отражаясь от обрывистого берега, звенела на воде, а если противоположный берег был пологим, уходила вдаль и терялась. За их спиной вставала туча, в темноте похожая на гигантский лес, а они все молчали и шли, изредка целуясь.

Было ясно, что дождя не миновать. Видно, в городе он уже начался, ибо музыку вдруг перебили гиканье, свист и топот по доскам танцплощадки. И вот посыпались капли – сначала редкие, как крупный сухой горох, а потом капли слились в непрозрачную пленку. Они прижались к стене элеватора. Сигареты были уже мокрыми и не имели никакого вкуса. Стало холодно. Сергей, лязгая зубами, сказал: «Побежали к нам под крышу, там течет значительно меньше».

Они прыгали через шипящие лужи. Сергей долго откручивал колючую проволоку, которой отец привязывал калитку к столбу, потом еле нашел ключ под крылечком. Лариса стояла сзади, положив руки ему на спину. Дверь кудахтала, как курица. У двери лежала лопата, вилы и тяпка, и они по очереди споткнулись об них и сели на кровать. Сергей снял рубашку и выжал воду прямо на крыльцо. А потом он накинул на себя и Ларису старое пальто, пахнущее землей, и, целуя ее, попробовал расстегнуть пуговицу на ее джинсах, но ткань была мокрой и ничего не получалось. Лариса отвела его руку. Сергей отстранился и сквозь открытую дверь стал смотреть на дождь.

Потом она сама обняла его и поцеловала в мокрое плечо, и его рука уже не встречала сопротивления. Злополучная пуговица оказалась расстегнутой, и пластмассовая молния была такой же послушной, как Лариса, и скоро его рука, скользящая по ее телу от шеи до коленок, не встречала под собой ничего, кроме гладкой кожи. Ее груди были такими нежными, что в голове мутилось и что-то всхлипывало, как от стакана газированной воды, выпитой залпом.

В вспышках молний ее кожа в тех местах, где должен быть купальник, была до синевы белой. Тела тускло желтели в темноте, и Лариса, до слез ничего не умея, старалась и терпела изо всех сил, и в мозгу билось без всяких знаков препинания:

– Милая я не могу сейчас по-другому это как птица бьющаяся в груди во всем теле она рвется из меня иначе она умрет и я умру вместе с нею скорчусь как разрубленный надвое червяк милая моя…

И потом он лежал на спине, а она водила пальцами по его ребрам, и он повернулся к ней и поцеловал куда-то в темноту, кажется, в ухо…

***

А через несколько дней Лариса шла по пустой улице, на ходу копаясь в сумочке и изредка спотыкаясь. На набережной ее обогнал грузовик с надстроенными бортами из неструганных досок. Машина затормозила в двух метрах от нее. Из кабины выскочил Кисель – длинный парень с узкими плечами. За рулем сидел Мопа. Увидев Мопу, Лариса вспомнила, что о нем говорили, будто он выжигает сигаретой глаза коровам, которых перевозит на бойню. «Так им легче подыхать», – объяснял он.

– Давай покатаемся! – крикнул Мопа, свешиваясь из кабины и хватая Ларису за руку. Он почти лежал на дермантиновых перегретых за день сиденьях и тащил девушку вовнутрь. Кисель толкал ее сзади. Лариса держалась за открытую дверцу кабины и упиралась, как могла, поминутно прищемляя дверцей себя и Киселя. Кисель обеими руками схватил ее за ягодицы. Лариса отпустила дверцу, ударила его и сразу же очутилась в кабине. Когда машина тронулась, она заплакала. Грузовик мчался по ночному шоссе, и зелень в свете фар казалась пыльно-серой. Проехав километров восемь, Мопа свернул с шоссе к мелководной речушке, и машина тяжело ухнула, съезжая на обочину, так что все втроем ударились лбами о ветровое стекло. Мопа вышел из машины и сказал:

– А теперь приступаем к водным процедурам. Кто купаться не хочет, пойдет домой пешком.

Он разделся. На нем были синие семейные трусы с крупным масляным пятном на бедре, и он снял их, нырнул и крикнул Ларисе:

– Теперь твоя очередь, мы можем даже выключить свет!

Лариса дернулась бежать в сторону кустов, но Кисель был настороже и поймал ее.

– Ты ее сильно не лапай! – кричал из воды Мопа. – А то мне ничего не останется, там и так маловато… Давай ее сюда. Помоем, как положено.

Кисель втолкнул ее в речку. Лариса бухнулась в воду. Потом она увидела, как Кисель нашел на берегу ее раскиданные туфли, понюхал их и хрюкнул от удовольствия. Так едят лимон – кайфуя и кривясь. Мопа подталкивал Ларису к берегу и там сорвал с нее белье и повалил на жесткую, вытоптанную скотом траву. Потом Лариса долго прыгала на одной ноге, потому что другой не могла попасть в трусики.

В полукилометре от городка Мопа высадил ее, а сам развернул машину и через полчаса въехал в город с другой стороны. Он ожидал суда за избиение директора кинотеатра и спешил нагуляться.

***

На следующий день Вадик все рассказал Сергею.

– Там, ночью, в лесу, любая посопротивляется только для вида, – закончил он. Вадик курил в его комнате и бросал в окно непотушенные окурки. Они долго дымились

на асфальте. К вечеру там образовалась настоящая пепельница. Сперва прилетали голуби, надеясь на подачки. Обманувшись несколько раз, они перестали прилетать.

Сергей надел синий тренировочный свитер и пошел с Вадиком на Мотылевку – так называлась окраина городка, где жил Мопа..«Его настоящего имени никто не знает, – думал Сергей по дороге, – кроме родителей и учителей. И то не всех». Он разозлился почему-то именно на учителей. Даже хотел сказать об этом Вадику. Но Вадик сосредоточенно курил.

Было то время суток, когда старухи уже покинули скамейки перед хатами, а молодежь их еще не заняла – все были на танцплощадке. Они подошли к мопиному дому и молча курили с полчаса, пока не услышали из горсада свист, гиканье и шарканье нескольких сотен подошв по асфальту. Скоро шарканье прекратилось – толпа рассосалась по улочкам.

Мимо них прошли сначала две девицы, оглядываясь, а за ними пять или шесть парней. Парни их не заметили, и это была удача. Вдруг Вадик сказал: «Идет». Место Сергея было в кустах – в засаде. Через минуту мимо кустов прошли Мопа с Киселем. Увидев Вадика на скамейке, Мопа быстро обо всем догадался: он ударил Вадика так сильно, что тот стукнулся головой об забор, к которому прислонялся спиной.

– Я те глаз на анус натяну! – рассвирепел Вадик.

Он сделал ложный выпад левой, а правой заехал Мопе в челюсть. Мопа был плотный парень, но Вадик вообще тяжеловес – от его удара Мопа отлетел на несколько метров и упал бы, если б не ухватился за тонкую рябину, мигом согнувшуюся и затрещавшую. Мопа еще не успел выпрямиться, когда Вадик ступней ударил его в лицо. Мопа упал, а Кисель бросился бежать. Сергей выскочил ему наперерез. Кисель со страху прыгнул на забор, подтянулся и перевалился во двор. Собака, лаявшая с начала драки, после этого чуть не подавилась лаем.

Сергей оглянулся и увидел, что Вадик сидит верхом на вырывающимся Мопе и бьет его головой о землю. В руке у Мопы что-то блеснуло, и, поняв, что это нож, Сергей прыгнул на мопину руку, и рука обмякла. Мопа повернул к Сергею искаженное лицо, и, когда они уходили, Мопа что-то сказал матом, приподняв голову. Сергей, одним рывком отодрав от палисадника штакетину, ударил Мопу куда-то в пах, а потом еще и еще, и Мопа, скорчившись, лежал на боку, когда они наконец ушли.

Ребята шли в тенях домов и деревьев, а потом залезли в школьный садик, собрали падалиц и ели, лежа на траве. Вадик чистил яблоки отобранным у Мопы ножом и рассуждал:

– Мопа такой кайф словил, что в милицию не заявит. Вот только если концы отдаст, тогда плохо. – Потом спросил: – Ты какой стороной штакетины бил – откуда гвоздь торчал или гладкой?

Сергей ничего не ответил. Он не знал, какой стороной бил. Они опять сидели молча. Небо начало уже сереть, когда к садику подъехал милицейский воронок и остановился. Из кабины вышел молодой милиционер, оставив дверцу открытой, и полез на ограду. Он был долговяз и нескладен, с жидкими белесыми волосами и худым лицом. Сергей вспомнил, что они с Вадиком учились с ним в одной школе, только будущий милиционер был на несколько лет старше. И вот теперь тот тихий сопливый пацан висел на заборе, наклонив к себе ветку, и рвал яблоки – крупные он совал за пазуху, а мелкие выкидывал или запихивал в пустую кобуру. Сергей краем глаза видел, как Вадик медленно опускает дымящийся окурок и тушит его о ком земли. В тот момент Сергей почувствовал, что с этой ночи они как бы вне закона.

Милиционер спрыгнул с забора и сел в кабину машины, что-то говоря водителю. Они рассмеялись. Из окна кабины полетело надкушенное яблоко, и воронок уехал. Ребята, посидев еще минут десять, разошлись. Сергей подождал за церковью, когда Вадик скроется, и повернул обратно.

Было уже светло, хотя солнце еще не взошло. В ближнем дворике кто-то уже гремел ведрами, направляясь к хлеву. Сергей поспешил поскорее дойти до перекрестка и свернуть, а потом между двумя глухими заборами, через которые свешивались и сплетались ветки

яблонь, дошел до Дублянки – большого ручья, протекающего по городку. Он пошел вверх по течению, и с одной стороны от него журчал ручей, а с другой были или изгородь из колючей проволоки, или плетень, или штакетник. Сергей чуть было не наступил на дохлого гусенка – голова его была затоптана в грязь, как будто ее совсем не было, а брюхо распорото. В черной ране уже копошились мухи. Сергей дошел до знакомого забора, перекинул руку через калитку, нащупал щеколду, откинул ее и крадучись прошел по садику мимо деревянного сортира с застекленным окошечком над дверью.

***

Тюль выпорхнул из окна Ларисы и торчал из дома белым скомканным языком. Сергей просунул голову в окно и огляделся. Слева стояла кровать, за ней громоздкий многоэтажный комод, покрытый белыми салфетками, справа был столик с трельяжем. Над кроватью висела скрипка. Тюль лег ему на голову, как фата. Сергей хотел позвать Ларису, но в последний момент увидел, что на кровати спала не она, а пожилая женщина, кажется, мать.

Он согнулся, медленно, на цыпочках, отошел от окна, снял кроссовки и через двор пошел к времянке. Он вспомнил, что Лариса летом живет там. Он приподнял дверь, чтоб не скрипела, когда входил. Лариса спала, натянув на голову простыню. Одеяло скомкалось от беспокойного сна и лежало в ногах. Сергей поставил кроссовки под узкий топчан рядом с ее тапочками, накинул на нее одеяло и посмотрел на себя в зеркало. Он был бледен, даже зеленоват. Он взял расческу и с трудом причесал свои длинные спутавшиеся волосы. Потом он увидел, что Лариса приподняла голову и смотрит на него. Не оборачиваясь, он прошептал в зеркало:

– Привет.

– Я думала, ты мне снишься, – Лариса спрыгнула с кровати, пробежала босиком по крашенному коричневой краской полу и прижалась к нему всем телом. Он протянул руки назад и замкнул пальцы на ее талии. Когда он выпрямился, ее лицо оказалось между его лопатками.

«Какая она молодая еще. У нее даже волосы растут только на голове. А там только светлый пушок, похожий на редкую березовую рощицу на косогоре в солнечный весенний день, когда листья только-только проклюнулись, но уже много желтых сережек. Вряд ли будет расстрел, если Мопа даст дубу. Говорят, ныне это делают так: дают ведро и тряпку – помой, мол, этот длинный коридорчик, а в нужный момент какой-нибудь солдатик приводит приговор в исполнение. Потом это ведро и тряпку дают другому, уже для дела. А если хотят поиздеваться, то стреляют в живот, чтоб еще полдня помирал. Наверное, все не так, но опытных в этом деле быть не может».

Он сжал в кулаке ее ночнушку и сказал: «Зачем это на тебе?», а она продела руки под его свитер и ответила: «А это на тебе зачем?», и сразу же свистящим шепотом:

– Нет-нет, уходи!

– Не уйду. Так надо.

– Ничего не надо. Я…

– Нет, так надо, я знаю. Потом ты тоже поймешь, что так надо.

И опять во всем теле билась птица, и раскрытые губы Ларисы показывали, что она знает эту птицу, и уже были две птицы, и они бились и рвались друг к другу, все ближе, ближе, до стирания тел ближе, и потом они вырвались и полетели рядом, сначала в ночь, в темноту, а потом брызнуло небо, сначала до боли яркое, а потом оно стало обычным, и опять все вернулось, и было такое чувство, как будто на твоих глазах разломалась надвое дорогая тебе вещь.

Пора было уходить. Сергей вздрогнул и проснулся, он проспал минут десять. Мир опять взял его в себя, всосал его сознание и тело в свой неуемный желудок. Было противно и страшно. Лариса не спала, она смотрела на него.

– Тебе надо уехать сегодня же.

– Вадику тоже надо.

– Он не пропадет. Он… пошустрей тебя будет. Уезжай, так надо.

– Ничего не надо.

– Потом ты тоже поймешь, что так надо, – повторила она его фразу слово в слово.

«Милая, у меня большая ладонь, ладонь дровосека, без мозолей, правда. Я положу ее тебе на грудь, и ничего не будет видно, разве что покажется, что я не до конца распрямил ладонь. Если я уеду, ты будешь одна среди всех этих моп, будешь ездить в трамваях в свое музучилище, тебя будут толкать, тискать, щупать, обижать, и я ничего не смогу сделать, и ты будешь во мне, как колючка в аорте…»

В этот же день он уехал. Уезжал в Москву, а уехал в будущее на сорок лет.

***

– А кое-кому это даже не повредило, – повторил Вадик.

Занеся в комнатку морозный пахучий воздух, пришла жена Вадика. Все еще не веря глазам, Сергей вскочил, двумя руками удерживая на бедрах полотенце, чмокнул ее в щеку и быстро вернулся на скамейку, пряча под стол голые мокрые ноги. Жена Вадика не долго побыла за столом. Она без воодушевления выпила рюмку водки, потом разделась за ширмой, смыла густой макияж и в простыне пошла в парилку.

– Что, не сберегли тростиночку? – засмеялся Вадик, глядя ей в след.

– С возрастом все мы становимся… эээ… дороднее, – Сергею показалось, что он ответил дипломатично. – А тут дети… Сколько их у вас?

– Четверо! Жена мне до сих пор покою не дает.

Веер карт памяти, стоявший перед глазами Сергея, сложился и исчез. Он налил себе рюмку и, не понюхав, как обычно, выпил одним глотком. Непонюханная водка не казалось крепкой и вкусной. А Вадик рассказывал:

– Мы с Лорхен расписались тем же летом и махнули на Михайловский рудник. Можно сказать, я в карьере всю жизнь прятался ото всех. Хоть и не было нужды… – Он помолчал. Сергей смотрел на старого друга, раскрыв рот. Не годы растворили в себе без остатка дружбу с Вадиком, как то неизбежно бывает. Что-то треснуло чуть раньше – сорок лет назад плюс несколько недель – Нужды не было, но и охоты вылезать не было, – Вадик ладонью звонко похлопал себя по груди. – Слышишь? До сих пор кожа аж звенит от рудного железа. Пропиталась вся, стала как рыбья чешуя, – он стал зевать и клевать носом. Но нить разговора он еще не терял. – Мопу помнишь?

– Да. Помер недавно.

– То есть как недавно? Лет двадцать уже будет. А правильно они тогда избили директора кинотеатра – ерундовые фильмы крутил, – он ухмыльнулся. – Не помри директор до начала суда над Мопой, а помри сам Мопа – представляешь, как судьба могла бы пошутить? Ты перепутал: это Кисель недавно помер.

– А-а-а! Видел недавно на кладбище свежую могилку в оградке Киселевых.

– У тебя там кто?

– Отец.

– Пока один? – Вадик все-таки уснул, уткнув подбородок в грудь.

Сергей походил по предбаннику, поглядывая на парилку. Под баньку Вадик переделал времянку, в которой тем летом жила Лариса. Топчан стоял там, где сейчас были полки парилки. Ларисы долго не было, но не заглядывать же.

Он вернулся на скамью, закрыл глаза и не сразу открыл их, когда услышал скрип двери и шаги Ларисы. Из парилки его обдало жаркой сыростью, и глаза разлипли сами. Лариса подо-

шла к умывальнику, открыла воду. Простыня развернулась, обнажив гладкие складки жира на боках. Талия была шире попы. Поясница не отделяла мышц спины от ягодичных.

– Извини, – сказала она, медленно запахиваясь. – Это я не соблазняю. Тебя таким не соблазнишь. Небось, только молодых водишь?

– Брось ты.

– Молодых, по тебе вижу.

Сергею почудилась в ее словах ревность. Он заволновался, встал, хотел подойти к ней. Взглянул на спящего Вадика и опять плюхнулся на скамью.

– Спасибо тебе, – сказал он.

– За что?

Не было в ее вопросе удивления. Он видел, что годы изуродовали ее тело и, как ластиком, стерли с ее души все эмоции. Но еще он видел, что мыло выскальзывало из ее рук, она не могла поймать скользкий брусок в раковине.

– Как в той песне… помнишь? «За то, что со мной была…»

– Пой, пой! С кем я только не была, ты знаешь…

– Это другое… Нет, за то, что со мной…

– Не другое. У тебя жены нет?

– Нет.

– Не было?

– Было три.

– Ну, это то же самое, что ни одной. А ты говоришь – другое. Не за что меня благодарить. Я тебе жизнь изуродовала. Слишком влюбила в себя, чтоб ты мог все то пережить. Не меня Мопа изнасиловал, тебя. Насилуют влюбленных мужиков, я-то… – Поглядывая на дремлющего Вадика, она частила, торопилась говорить. – Я с музыкальной школы знала, что Вадику достанусь. Только тем летом что-то… померещилось. Ты же своих малолеток не любишь и не любил никогда. Сломала я у тебя любилку, – торопясь говорить, иногда она все же замолкала, а потом продолжала, но все тише и тише. – Хотела, чтоб она была только для меня. Так и получилось – она со мной осталась. Детей нарожала кучу… Если подумать, так это твои дети. Твоя любилка была, когда глаза закрывала.

– Ты себе все надумала.

– Даже если надумала, что с того? Какая разница?

– А любови у меня были.

– Разве то любови? Вспомни, у тебя каждый мускул играл и звенел, когда ты смотрел на меня. А сейчас у тебя разве мускулы? Мяско…

***

И все-таки… Он шел по заметенной снегом тропинке вдоль Дублянки. Снежинки кружились вокруг него, как белые мошки. Тогда, на речке, мошек тоже была плотная туча, и они отлетали, по каплям воруя юность. Он обернулся на дом Ларисы. В окне мелькала тень. Наверное, Лариса стелила постель, стряхивая простыни.

«И все-таки почему мне так истово захотелось тебя благодарить? Потому что за юность, в которой были ярость и любовь, кого еще благодарить? Потому что с тобой я ощутил настоящую остроту и подлинность жизни».

Он споткнулся и остановился. Показалось, что споткнулся о дохлого гусенка на том же месте, что и сорок лет назад. Нет, это был просто снежный ком с темными слоями льда.

«Хорошо помню, как ты – тонкая, ясноглазая, влюбленная – прошла навстречу мне по крашенному коричневой краской полу, и шлепки прилипающих голых пяток напоминали шлепанье натянутой и отпущенной резинки. Прошла и исчезла – я такой тебя уже не видел,

да и не была ты больше такой никогда. Всего лишь прошла навстречу несколько шагов, а оказалось – прошла по судьбе».

Не бери меня взаймы

На экране мелькали известные мужчины в элегантных костюмах рядом с красивыми, нарядными, накрашенными женщинами. Вечерние платья были с глубокими декольте. Декольте казались темными омутами с русалочьими водоворотами. Изображение часто кривилось. Телевизор стоял в ленинской комнате. Показывали Большой театр. Бурмистров подходил к телевизору и бил его ладонью по боковой стенке. Лак на стенке был поцарапан и истерт.

Сергей Шевцов оглядел офицеров запаса, которые были рядом: один по пояс голый, другой в домашнем вязанном жилете поверх казенного белья, третий босой и в кителе, – все эти люди были грязными и голодными, и одежда на них была не по росту, и сидели они на тяжелых табуретках с прорезанными дырами в сиденьях – газоотводами… Вот жилистый, маленький и старый Бурмистров – инженер по телекоммуникациям, вот непомерно упитанный Заболоцкий – учитель физики, вот Варин – экскурсовод на ВДНХ, вот сам Сергей – историк – ни их личности, ни их профессии здесь не имели никакого значения. Для прохождения сборов они были изъяты из оборота жизни и спрессованы в один субстрат. В телевизоре – парадный, аккуратный мир, а в ленинской комнате на всех лицах – тоскливая надежда, что все это скоро кончится и где-то их ждет вот такая же – как в телевизоре – чистая жизнь с нематерящимися женщинами, с золотым искристым вином, с тонкими удовольствиями – от балета, чистых голосов, картин, споров, не сальных шуток.

Слушать пощечины телевизору надоело. Сергей от скуки начал просматривать наглядную агитацию на стенах. До отбоя оставалось много времени. Сергей начал с выписки из «Обращения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров СССР к коммунистической партии, к советскому народу»:

«…Непреклонна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных ресурсов и духовных богатств, а укрепление мира – вот путеводная нить в завтрашний день.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантюр не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет ответный удар».

Видно, чтобы это «все необходимое» было гарантированно надежным, Сергею недавно прислали повестку: «Ст. лейтенант Шевцов С. В. явиться в райвоенкомат в течение часа. С собой иметь паспорт, военный билет. Военком… (подпись была неразборчивой)».

***

А ночью снились грязные сны, которые хотелось тут же забыть и не вспоминать никогда.

Сергей лежал с открытыми глазами в полутемной казарме, и рядом с ним и под ним (кровати были двухъярусные) храпело, воняло, мучилось, ворочалось, грезило, дышало сто тридцать человек, укрытых одинаковыми синими тонкими одеялами с тремя черными полосами в ногах. У выхода, рядом с тумбочкой с полевым телефоном и алюминиевым баком с водой для питья, топтались два дневальных. Сергей смотрел, как они, одурев от бессонницы и скуки, в очередной раз читают отпечатанные на машинке инструкции, прикнопленные к «Доске документации дежурного по роте». Рядом висела «Доска объявлений», пустая.

Два слоя человеческих тел, укрытых казенными одеялами, издавали ровный постоянный гул, как два слоя пузыристого кочковатого болота.

В казарму вошел майор срочной службы. Он что-то сказал дневальным и прошел в ротную канцелярию – тесную от шкафов комнатку справа от входа. Офицерик, призванный из запаса, с красной повязкой дежурного по роте, посмотрел на висящие над дверью часы, повернулся к двухэтажному ряду коек и покачался несколько раз с пяток на носки и обратно. Было слышно, как под ним скрипит пол и хрустит песок. Он еще раз посмотрел на часы, теперь уже на ручные, и, дождавшись подхода секундной стрелки, срывающимся голосом крикнул:

– Рота, подъем! – потом уже более громко и уверенно, – Подъем, рррота!

И заскрипели кровати, зазвенели желтые бляхи кожаных ремней, забухали глухие удары от прыгающих со второго этажа человеческих тел. Сергей сбросил с себя одеяло и свесил с койки ноги. В проеме между кроватями мелькало несколько лохматых голов и голых плеч; толстый Заболоцкий, сидя на кровати, наматывал портянки. Когда длинный и очень худой Варин натянул на свой жесткий зад хлюпающее галифе и ушел, Сергей, стараясь никого не задеть, спрыгнул на пол. Садиться на чужую койку было неудобно и обуваться пришлось стоя.

Форма одежды – голый торс. Согнанные на стадион офицеры запаса сидели на скамейках, курили и ежились. Кое-кто, правда, занимался. Один очень быстро отжимался на брусьях, другой – йог – стоял на голове, третий приемами каратэ пугал учебную деревянную конструкцию, выполненную в виде дома. Сергей подошел к турнику, подпрыгнул, зацепился руками за тонкую металлическую трубу и десять раз поднял к ней прямые ноги. С сапог в глаза сыпался песок. Ноги Сергей опускал медленно, чтобы очередной рывок делать без замаха, из вертикального положения тела. Потом перешел на брусья. Он отжимался не торопясь, основательно, пока не ощутил ледяного холода в мышцах. Ему всегда нравилось, как гудят натруженные мышцы.

После зарядки и туалета Сергей пошел в казарму, снял сапоги и сбившиеся портянки, надел носки, чтобы меньше натирались ноги, намотал на них портянки, на портянки натянул штрипки от галифе, всю эту конструкцию аккуратно всунул в сапоги, проверил на кителе подворотничок, пришитый вчера – он еще годился, надел китель, туго подпоясался ремнем, взял в руки пилотку и вышел на улицу. Там на асфальтированной дорожке перед казармой строилась рота к утреннему осмотру.

Бурмистров, командир первого отделения, ходил по траве и росой мыл сапоги.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился он к Сергею, – почему у тебя сапоги не чищены?

– Так нет щетки и ваксы!

– У хорошего солдата сапоги блестят всегда. Как у меня. Нас прессуют, а мы крепчаем. Вчера ночью сюда баб привезли.

– А-а-а! Вон почему вы так усердствуете с сапогами!

– Пойми простую вещь: если жизнь не улучшается, то она ухудшается.

На осмотре Бурмистров стоял в третьем ряду и курил. Он был небрит. Ему было за пятьдесят и ему было все равно.

Толстый майор, не обращая внимания на Бурмистрова, остановился напротив Заболоцкого. У Заболоцкого, когда он был без кителя, груди висели, как у женщины, только были волосатыми.

– Почему без ремня? – спросил у него майор.

– Старшина не нашел такого ремня, который бы на мне застегнулся.

– Пусть выдаст надставной. Если нет, пусть сделает. Без ремня вы похожи на арестанта, а не на советского офицера.

Заболоцкий пробурчал: мол, так оно и есть. Майор сделал вид, что не услышал.

Начинался очередной день учебных сборов офицеров запаса. Заболоцкий проходил без ремня до конца сборов.

***

Роту вели на занятия. Подошли к зеленому сарайчику, крытому черным рубероидом. Это была библиотека. Дверь в сарайчик впервые была открыта. Рота, не прекращая движения, смотрела на дверь во все двести с лишним глаз. Распаленное воображение жаждало удовлетворения. Что-то должно было случиться, иначе одними глазами офицеры запаса раздолбили бы сарай.

Из дверей библиотеки выскочила девушка. Ее белье слегка просвечивало сквозь белое платье из марлевки. Из полутемного помещения библиотеки ее вытолкнула другая девушка – тоже в светлом летнем костюмчике и тоже стройненькая и хорошенькая. Обе они были такими неожиданными среди всего этого казенного, военного, грязного, циничного, стандартного, послушного, что у Сергея екнуло сердце. Он представил, как они смотрели на марширующих мужчин сквозь зарешеченное окно. Может быть, выбирали. Наверно, кто-то понравился девушке в белом, и подружка предложила ей не терять время и вытолкнула наружу…

Девушки еще немного потолкались в дверях: одна рвалась внутрь, другая ее не пускала. Но когда в роте поднялся гвалт и гогот, они перестали толкаться и мгновенно растворились в темноте библиотеки.

В личное время Сергей зашел в библиотеку. Дверь была открыта и снизу придавлена половинкой кирпича, чтобы не захлопывалась.

– Фамилия?

Сергей сказал.

– Имя?

Сергей сказал.

– Отчество?

Сергей сказал.

– Место работы?

– Центральный научно-иссле…

– Нет, – перебила девушка. Это была та девушка, которую ее подруга-медсестра вытолкнула из библиотеки. – Какая рота?

– Вторая.

– Взвод?

– Тоже второй. И отделение второе.

– Это не нужно. Должность?

– Комод.

– Командир отделения?

– Да, – Сергей был назначен командиром отделения потому, что он первым стоял в шеренге из десяти человек.

– Год рождения?

Сергей сказал.

– Вам двадцать восемь? Поставьте дату – вот здесь, и распишитесь.

Сергей расписался и подошел к стенду с книгами. Книги были плохие.

– Вам здесь нравится? – спросила девушка.

– Простите?

– Служить здесь нравится?

– Нет.

– Почему? – удивилась девушка. – Здесь всем нравится. И красиво здесь очень. Отдохнете от дома, от семьи…

– В сапогах-то? И книг у вас мало.

– И все-таки здесь красиво, – сказала девушка, глядя в окно. А окно было забито кроватной сеткой. Сергей снял с полки самую затрепанную, самую зачитанную книжку. Оказалось, что это «Гранатовый браслет» Куприна. Книжка открылась там, где из переплета уже выпадали листочки. Он прочитал: «… может быть, твой жизненный путь, Верочка, пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины…» Сергей еще раз взглянул на мир в окне, забитом сеткой. Книгу он так и не выбрал. Он ушел, не попрощавшись, когда в библиотеку пришел Заболоцкий.

Жара не спадала до вечера. И в десять, перед отбоем, было жарко. Уснуть было трудно. Сегодня утром политрук демонстрировал роте заправку постелей на примере кровати Бурмистрова. Раздеваясь, Бурмистров крикнул:

– Дежурный!

– Чего? – ответил сонный голос со стороны двери.

– Завтра утром проследи, чтобы политрук вовремя заправил эту постель.

Казарма задрожала от хохота. Потом ребята помоложе травили анекдоты. Сергей так и не понял, когда он уснул.

***

На утреннем разводе командир роты сказал:

– Сегодня у нас огневая подготовка. Занятия проведет майор Пестов. – Майор достал из кармана кителя бумажку, прочитал про себя и скомандовал: – Старший лейтенант Шевцов, выйти из строя. Остальные налее-во! На места занятий шагом марш!

Зашаркали по асфальту кирзовые сапоги, заматерились комвзводов, на ходу перестраивая людей. Сергей подошел к майору.

– Товарищ старший лейтенант, – сказал ему майор, – младший сержант Пестова просит помочь ей. Вы со своей специальностью справитесь с этим без труда.

– Что именно нужно?

– Зайдите в ленинскую комнату, младший сержант там.

Сергей пошел. Через несколько шагов он вспомнил, что забыл сказать «Есть» и отдать честь. Он оглянулся, но майора уже не было на плацу.

В ленинской комнате людей в форме не было. Была только девушка в белом платье, библиотекарша.

– Вы младший сержант Пестова?

– Да, – девушка улыбнулась.

«Ей, что ли, честь отдать?» – подумал Сергей, садясь за стол напротив нее.

– А что, собственно, нужно? – спросил он.

– Нужно книги привезти, – сказала Пестова. – Я вчера приготовила в библиотечном коллекторе несколько пачек. Это в Москве. А погрузить и выгрузить мне одной будет трудно.

– Почему именно я?

– Потому что вы единственный, кто записался в библиотеку. А машина скоро будет. Ваня подъедет сюда за нами.

Они замолчали. Сергей читал развешанные на стенах планшеты и разглядывал фотографии членов Политбюро ЦК КПСС. Он думал, что от человека, употребляющего матерные слова, как будто бы воняет, даже когда он молчит. А тут и от фотографий разит как из выгребной ямы. Скоро на козлике подъехал Ваня.

Ваня открыл девушке дверь и посадил рядом с собой. Сергей забрался на заднее сиденье. Они поехали к КПП. Ваня с девушкой были хорошо знакомы.

У шлагбаума стоял высокий солдат. Сергей иногда вместе с ним занимался штангой. Солдат улыбнулся Сергею и пошел поднимать шлагбаум. Встретившись глазами с Ваней, штангист перестал улыбаться.

Шлагбаум был уже поднят и машина тронулась, когда из будки вышел офицер. Он скрестил над головой руки, и Ваня, обозвав его придурком, заглушил мотор. Офицер – это был капитан – подошел к машине и потребовал предписание. Пестова покраснела и стала рыться в сумочке. Она достала сложенный вчетверо листок бумаги и, не разворачивая, отдала его капитану. Она не смотрела на него. Капитан прочитал бумажку и заглянул в машину.

– А этот зачем? – спросил он, глядя на Сергея.

– По распоряжению командира части, – сказала Пестова и процитировала строевую записку: – «Для оказания консультационной помощи в комплектовании библиотеки».

Капитан вернул ей бумажку. Ваня перегнулся над коленями девушки и захлопнул дверь. Девушка смотрела прямо перед собой. Капитан смотрел на нее. Штангист опять поднял шлагбаум, и они поехали.

Капитан стоял у шлагбаума и что-то говорил штангисту.

Москва начиналась как-то постепенно. Сначала были строения непонятного назначения, потом пустыри, потом опять дома, и вдруг видишь на тонкой длинной трубе белую, как пепел, «М», и свободные веселые люди в свободных ярких одеждах вливаются в подземные переходы, и красивые женщины полуобнажены – ведь жара, и нарядные дети крепко держат за руку молодых, любопытных, заглядывающихся на чужих дядей мам.

Сергей снял пилотку, засунул ее за ремень, положил голову на спинку переднего сидения и закрыл глаза. Было обидно за зря уходящее на сборах время и, в общем-то, за свою убогую жизнь. Неожиданно и неуместно стало жалко себя до слез. На ухабах он бился лбом о спинку сиденья. Пришлось подставить щеку.

– Ваня, притормози, – услышал он голос девушки. Козлик подрулил к тротуару. Девушка неловко выбралась из машины: сначала поставила на тротуар ноги, потом сильно прогнулась, держась руками за верхний косяк дверцы, и пошла звонить.

Две телефонные полукабинки были подняты над землей металлической штангой и напоминали квадратную «Ф». Не было слышно, о чем говорила девушка. Сергей смотрел на нее. Она сняла правую туфельку и стояла на одной ноге, покачивая разутой, и иногда осторожно, кончиками пальцев, опиралась на снятую туфлю.

Сергей закрыл глаза и задремал. Он очнулся от толчка закрываемой дверцы.

– Спите? – сказала девушка. – Я тоже буду спать с вами. Меня зовут Людмила.

Ваня засмеялся.

Сергей дремал и всю дорогу чувствовал, как касаются его кулака длинные мягкие волосы младшего сержанта.

***

После занятий рота вернулась в казарму. Из дверей вышел майор Пестов. Он внимательно осмотрел роту и направился в ленинскую комнату. На нем были темные очки. Бурмистров крикнул:

– Ребята! Он у нас по кошелькам шмонал!

– Не-е, – возразил ему кучерявый еврей из третьего отделения. – Он подыскивает живую мишень.

Заболоцкий хмыкнул:

– Он свою жену здесь искал.

Рота самодовольно зазубоскалила:

– Свою или себе?

– Заболоцкий, ему твой размерчик понравился!

Экскурсовод Варин, шедший в шеренге за Сергеем, шептал:

– Ну и майор! Настоящий Скалозуб – вон как зубы скалит. Мы тут разные, худые и толстые, а жизнь любим. Этот же учит убивать. Как он вообще смеяться может? – у Варина был свистящий шепот, слышный, пожалуй, всему взводу.

Маленькая девочка выскочила из кустов и с изумлением разглядывала топочущих в такт взрослых людей. После команды «разойдись!» Сергей подошел к ней и присел на корточки.

– Тебя как зовут? – спросил он ее.

– Настенька, – бойко ответила девочка.

– А сколько тебе лет, Настенька?

– Три с половиной.

– И когда же твой день рождения?

– Пятнадцатого.

– Пятнадцатого января?

– Да.

– Или марта?

– Нет, января.

Девочка присела рядом и начала мелом рисовать на асфальте.

– Настя! – раздался знакомый голос. В дверях библиотеки стояла младший сержант Пестова в белом платье. – Настя, иди сюда и веди с собой дядю.

– Пойдем, – сказала Настя. Сергей сидел на бетонном бортике дорожки и смотрел на нее. – Ну пойдем же! – девочка взяла его за руку и потянула к себе. Они пошли.

В библиотеке у стен стояли сумки с вещами.

– Помогите нам, – попросила Людмила. – Папочка сбросил все здесь и куда-то ускакал. Настенька, возьми свои игрушки, я возьму эту сумку, а дяде Сереже останется самая большая.

По дороге она говорила виноватым тоном:

– Наконец-то папочка нас перевез. А то одеть нечего. Хожу в этом белом платье как в форме.

Жили они в бревенчатом двухэтажном домике для офицеров. Коридор до потолка был забит кроватными сетками. На дверях висели тяжелые амбарные замки. Людмила поставила перед дверью сумку, достала пузатый ключ и сняла замок. Комната была маленькой и после казармы казалась уютной до слез. На шкафу лежали две офицерские фуражки – полевая и парадная. На спинке стула перед столом висел китель с майорскими погонами. Стол был накрыт белой скатертью, и в центре его стояла полулитровая банка с голубыми полевыми цветами.

– Настенька, – сказала Людмила, – поцелуй дядю. Ему было тяжело нести наши сумки.

Девочка поглядела на Сергея, на маму и побежала к дверям.

– Не хочу! – крикнула она из коридора.

– Тогда мне придется сделать это самой, – сказала Людмила. – Не возражаете?

Сергей стоял у дверей, а она у окна. Их разделял стол. Сергей замешкался с ответом, и шутя что-то сказать не получилось.

– Так возражаете или нет? – повторила Людмила тихо.

– Нет, – сказал Сергей. Он чувствовал, как в горле дрожит пленка слизи. Ему показалось, что он каркнул. «Что это я вдруг, – подумал он. – И неужели в самом деле будем целоваться? Людмила оттолкнулась от подоконника и подошла к нему. Он погладил ее по щеке, и не потребовалось никакого усилия, чтобы ее длинное тело прижалось к нему.

***

Ночь была теплой. После поверки Сергей час пролежал на нарах не раздеваясь. Многие еще не спали: Заболоцкий бесцельно и бестолково шлялся туда-сюда в полутьме казармы, Варин учился курить, пуская дым в лицо Бурмистрову, который медленно тянул чай из жестяной кружки. Он был пьян в стельку и говорил так громко, что на него шикали. Он на всех равнодушно махал рукой. Пар из его кружки явственно отдавал коньяком.

Потом Сергей лежал на животе и смотрел в окно. Напротив окон был склад, огороженный металлической сеткой. За сеткой, как зверь в клетке, ходил солдат в шинели и с карабином. Иногда солдат останавливался под фонарем и смотрел на казарму.

Без пяти одиннадцать Сергей встал, обул сапоги и пошел к летнему клубу. Дежурный по роте посмотрел на него без любопытства. Бурмистров крикнул вслед Сергею:

– Так держать!

В летнем клубе на одной из скамеек его ждала Людмила. Летним клубом называлась огороженная штакетником поляна. Сергей сел рядом с Людмилой.

Они помолчали, глядя на пустую темную сцену. Потом долго целовались, крепко прижимаясь друг к другу, будто для объятий не хватало рук. Сергей сказал:

– Пойдем к вам.

– Сереженька, ну как вы так сразу можете говорить? – сказала Людмила, поправляя растрепанные волосы и одежду. – Сначала лучше напоить женщину, чтобы ей было не стыдно отдаться чужому мужчине. Ей, конечно, не стыдно и трезвой, но пусть он думает, что стыдно, и лучше напоить.

– Давайте наоборот. Сначала к вам, а потом напьемся.

– Ко мне нельзя. Дочка проснется.

– Ко мне тем более. А про Настю забыл, извините.

– К вам на вторую полку? Это даже интересно. Говорят, тут случалось такое.

– Можно повторить, – Сергей разозлился.

– Не надо так говорить, Сереженька.

– Тогда погуляем.

– Пойдемте. Только сначала заглянем, как дочка спит.

Они подошли к двухэтажному офицерскому домику. Окно в комнату Людмилы было открыто. Она зацепилась руками за подоконник, встала на завалинку и посмотрела в глубину комнаты. Все было в порядке. Девочка едва слышно сопела, и в комнате было уютно, и что-то екнуло в душе Сергея. Людмила потеряла равновесие, соскальзывая с завалинки, и Сергей подхватил ее за бедра и поставил на скамейку, не отпуская.

– Сереженька, пойдемте отсюда поскорее, – сказала Людмила, – я же замужем, и скандалы мне не нужны.

Слышались голоса идущих к домику мужчин. Людмила и Сергей пошли по тропинке в лес. Людмила волновалась. Сергей остановился и сказал:

– Идите домой. Зачем вам все это нужно.

– Это уже мое дело, Сереженька.

После того, как Сергей услышал безмятежное сопение девочки, он уже ничего не хотел. Он даже хотел поссориться.

– Вы здесь часто бываете? – спросил он.

– После замужества каждое лето. Четвертый раз, – добавила она, посчитав.

– За четыре года дослужились до младшего сержанта?

– Муж сказал, что надоело спать с рядовым. С его протекцией я, пожалуй, дослужусь до прапорщика. Вообще-то меня на эти сборы призвали тоже из запаса. Нам так удобнее – дача не нужна. Правда, муж в другой части, видимся редко. Он иногда приезжает на уроки.

– Уроки – это что? Стрельбы? И в форме ходите?

– Хожу, когда муж хочет. А хочет он этого перед сном. Ему не нравится, как я отдаю честь.

– Как интересно.

– Ничего интересного.

Они шли, и круглый белый месяц, как фара одинокого мотоцикла, освещал им тропинку. Сергей сжал руку девушки и остановил ее. Она обняла его, подставляя все свое худое длинное тело поцелуям, и казалось, что одежда сейчас спадет с нее, как тонкие пластинки шоколада с растаявшего мороженного. Но упала пилотка с его головы. Они присели, ощупывая руками влажную траву и холодную землю. Людмила нашла пилотку и надела ее на Сергея.

– Пойдемте отсюда, Сереженька, – сказала она, – пойдемте отсюда поскорее. Здесь сыро. И еще я не хочу видеть на вас эту форму.

Они подошли к одноэтажному дощатому домику. Это был медпункт. Сергей отводил сюда больных, когда дежурил по роте. Все окна были темны, только перед входом горел фонарь на деревянном растрескавшемся столбе. Людмила отворила калитку, подошла к входной двери и попыталась открыть замок. У нее ничего не получалось.

– Дайте мне, – попросил ключи Сергей.

– Вот этот, желтенький, – сказала Людмила, передавая ему связку.

– Вы уверены? – у Сергея тоже ничего не получалось.

– Да, Сереженька, и побыстрей, прошу вас. Мы под этим фонарем как микробы под микроскопом.

– Так уж, микробы, – он повернул ключ бороздкой вверх и замок поддался. Она сзади целовала его в шею, ухо, щеку и подталкивала в коридор медпункта. Захлопнув дверь, она прислонилась к ней спиной и вздохнула.

– Ольга обещала оставить здесь включенным свет, – сказала Людмила. – Забыла, наверное. Осторожнее, Сережа, тут слева стеклянный шкаф!

Сергей в темноте чуть не снес его на пол. Оглушительно зазвенели склянки, и по стеклянной полке несколько раз перекатился туда-сюда упавший пузырек. Они замерли, прижавшись друг к другу.

– Здесь никого нет, Сереженька, – прошептала Людмила. – Это нам так громко, а снаружи ничего не слышно.

– Ольга выходная? – тоже прошептал он.

– Да.

– А если кто заболеет?

– Где-то есть санитар, но Оля оставила ключи мне, а не ему.

– Это вы хорошо придумали.

– Не язвите, Сережа. Я впервые воспользовалась ее предложением. И вообще: вы претендуете быть у меня первым мужчиной. Не считая мужа, разумеется.

Они прошли в темноте еще несколько шагов.

– Кажется, сюда, – шепнула Людмила. – Это изолятор.

Она толкнула дверь в маленькую комнату. Там было светло от луны. В углу у окна стояла узкая кровать. Одеяло было сложено в ногах. Людмила села на край кровати. Сергей хотел сесть рядом.

– Сережа, милый, – сказала она. – Давайте не будем обниматься, пока вы в форме. Мне как-то не по себе. Снимите ее скорее, я вам помогу.

Она расстегнула ему ремень и положила на тумбочку. «Какого хрена, – подумал Сергей, – сам могу». Было стыдно обнажаться первому.

– Лучше отвернитесь, – сказал он.

– Я выйду и подожду за дверью.

Сергей разделся и лег под простыню. Одежду и сапоги он бросил в угол. Потом он слушал, как раздевается Людмила. Она забралась к нему под простыню, и ее кожа была холодной и вздрагивала под его шершавыми пальцами. Ему все-таки нравилось, что он у нее первый мужчина.

А потом он поцеловал ее, и она заплакала и крепко прижала его к себе, отшатнувшегося: «Это ничего, Сереженька, это ничего», и стало стыдно за свою грубость перед внезапно открывшейся чужой одинокой судьбой, в которой ничего нет, и он в ней такой незначительный и равнодушный, и казенная узкая кровать, и кирзовые сапоги на полу, в которые вставлены ее туфельки, и вот они вместе, и она вбирает его в себя, как сухой горячий песок впитывает в себя дождевую воду, и каждая песчинка жаждет влаги: се… ре… жень… ка… се… ре… жень… се… ре… жень… се… ре… жень… к…

За окном посерело. Сергей дремал, часто просыпаясь и глядя на часы. Иногда он смотрел на лицо девушки, стараясь запомнить еще малознакомые черты. Ее лицо была красивым и немного надменным. Сергей усмехнулся и заснул.

Он проснулся, когда было совсем светло. Теперь Людмила смотрела на него. Было холодно, и он натянул на замерзшую спину простыню и прижался к девушке. «Какая она чужая, думал Сергей. Незнакомая и чужая. Вот нас сейчас ничего не разделяет, кроме кожи, но мне стыдно поцеловать ее. Как было бы стыдно целовать в метро прижатую к тебе незнакомую девушку».

Людмила вдруг погладила его по замерзшей спине. Сергей закрыл глаза и спросил:

– Зачем я тебе?

– Ох, Сереженька, сама не знаю. Верней, иногда знаю. – Она помолчала. – И не старайтесь меня обидеть.

– Извини. Я дурак.

– Вы весь вечер вчера старались меня обидеть. А я терпела.

– Извини. Ничего, что на ты? Мне кажется, что у нас был весомый повод перейти на ты.

– Мне нравится обращаться к вам на вы. Ты такой унылый, такой в очках… Настоящий Онегин! Господи, ведь ты же мне никогда не скажешь: товарищ младший сержант, смирно! Ложись! Делай раз… Если он сегодня приедет, я в окоп не полезу, – она рассмеялась, уткнувшись носом в его плечо. – Этим летом я Ольке сказала, что больше не могу. А она как увидела вашу роту, так и вытолкнула меня из библиотеки. «Вот, говорит, нечего откладывать. Начни с этой роты».

– Мне пора, Людмила.

– Ох, мне тоже. Ты пока не смотри на меня. Ну не смотри.

– Ты красивая.

– Тогда смотри. А то совсем как чужой: мне пора, мне пора… Мне, может, еще порее, чем тебе. Можно, я примерю твои очки? Где они?

– В сапоге. Или в кителе.

– Вон, на галифе лежат.

Сергей немного проводил Людмилу и пошел в казарму. До подъема оставалось с полчаса, но многие уже встали. Толстый Заболоцкий босиком топтался возле тумбочки и копался на полке Сергея.

– Что ты лезешь в мою тумбочку? – сказал Сергей. – У нас, слава Богу, еще не коммунизм.

– Дай зеркальце, – ответил Заболоцкий, игнорируя недовольный тон Сергея. – И запомни: я знаю дзюдо, карате и еще много других страшных слов.

Сергей скинул с себя хаки, надел спортивные трусы, обул кроссовки и побежал. Территория части была огромной, и было приятно бежать по утоптанной земле в легких кроссовках, и в ветвях возились и кричали птицы, и из чащи тянуло прохладой. Кругом был краси-

вый, чистый лес, высокие белые березы, красные сосны, тяжелые, как чугунные чушки, дубы. Между двух берез стояла скамейка из некрашеных досок, и доски потемнели от дождей.

Ветки хлестали Сергея по лицу и плечам, а крапива жгла голые ноги. Тропинка вывела его к небольшому пруду, заросшему ряской. На дощатом пирсе сидели солдаты срочной службы. Один был в белых казенных кальсонах, два других в семейных трусах. Сергей подошел к пирсу, снял кроссовки и спросил ребят:

– Здесь глубоко?

– Ничего, ныряйте, – ответил молоденький солдатик. Это был штангист. Он стирал кальсоны. Рядом с ним был водитель Ваня, Сергей не сразу его узнал голого. Ваня что-то лениво произнес, после чего широкие плечи штангиста напряглись, а мощные руки задвигались в воде быстрее. Было похоже, что он стирает для Вани белье.

Сергей нырнул. В самом деле – ничего, глубоко. Вверху вода была теплой и не остужала разгоряченное тело. Сергей глубоко вздохнул и опустился на дно, где били ключи и вода была ледяной. Удовольствие было сравнимо, наверное, лишь со сладостью обладания женщиной. Тело переполняло душу восторгом. Сергей вынырнул, нырнул опять и поплыл к берегу под водой, едва не касаясь животом вязкого жирного ила.

Войдя в казарму, Сергей достал из тумбочку малоформатную книжку и запихал ее в левый карман кителя. Сейчас будет построение на завтрак. После него строевой тренаж. Потом – развод на занятия. На занятиях можно поспать. Закрыть глаза, и вспомнить Людмилу, а потом опять уснуть, и во сне ночь повторится сначала, но уже без раздражения по пустякам.

***

Проходили недели. Сборы завершались. У Сергея и Людмилы была одна из последних, если не последняя по подсчетам, ночь. Сергею было трудно скрыть радость от близящегося «дембеля». Людмила злилась. Она это делала своеобразно – молчала. Они промолчали почти всю ночь, только под утро оттаяли и уснули.

Сергей проспал утреннюю поверку.

В это время на плацу майор, комроты, выкрикивал:

– Старший лейтенант Шевцов!

Заминка была недолгой. Раздался хор:

– Я! – Я! – Я!

Майор оторвал глаза от тетрадки со списочным составом:

– Заболоцкий! Я точно знаю, что у Шевцова ремень есть. Передайте ему, чтоб зашел в ротную канцелярию.

– Я и сейчас могу зайти! – крикнул Бурмистров.

Майору давно надоело возиться с гражданскими людьми. Вместе со всеми он радовался скорому «дембелю». Не ответив Бурмистрову, он перевел взгляд на Варина:

– Варин, и вы туда же. А с виду интеллигентный человек. Ладно, ничего ему не передавайте. Защитнички отечества, мать вашу…

***

Было жарко. Всю часть согнали в летний клуб. На крытой сцене шипели мощные колонки. В углу перед усилителем на корточках сидел солдат. Из трибуны и двух сдвинутых столов торчали головки микрофонов. Колонки слегка шипели. Ждали генерала.

Курить не распускали. Минут сорок сидели под палящим солнцем. Наконец, приехал генерал – блеклый, бесцветный, скучный, мордастый – лег на трибуну, обнял ее обеими руками.

– Положение в Москве напряженное… В связи с приездом американского президента… Активизировали действия так называемые неформальные объединения… Так что с увольнением придется повременить…

Вздох досады из сотен глоток вспугнул ворон, дремавших на березах. Они закружили над поляной и закаркали. Сидящие за столом президиума офицеры подняли головы, как петухи, готовые к бою.

– Натуральное и денежное довольствие вам будет переоформлено надлежащим образом после отъезда Рейгана. Правильно я говорю, товарищ подполковник?

Начальник части сидя вытянулся в струнку.

– Так точно, товарищ генерал-майор.

Как только генерал отвернулся, подполковник сник, будто из него вытащили хребет.

Потом генерал отвечал на вопросы. Толстый Заболоцкий спросил:

– Почему предмет сборов не соответствует моей военно-учетной специальности? Я не вижу необходимости переучиваться на старости лет.

– Сюда вас направил военкомат. Он решает, где вас использовать. Претензии к ним.

– Что вы все друг на друга валите? – вдруг кто-то зло крикнул из последних рядов. – Военкомат на вас, вы – на военкомат. Где порядок?

– Нашел, где искать порядка!

А потом:

– Не кладите в кашу комбижир!

– Я язвенник, я есть здесь ничего не могу!

– Нужен стол для диетчиков!

– Мне пятьдесят лет, почему меня гоняют наравне с молодыми?

– Товарищи офицеры запаса! – сказал генерал. Все смолкли. – Вопросы по ВУСу я обсужу в военкомате. А на вопросы питания вам ответит майор медслужбы Федяев. Здесь он?

– Так точно…

Генерал и остальные офицеры ушли в ленинскую комнату. У генерала были широченные красные лампасы. Какая-то цирковая одежда, подумал Сергей.

– Ну-с, – сказал Федяев, становясь на трибуну. – Слушаю вас, товарищи офицеры запаса.

– Почему не выдают противозачаточные средства? – крикнул Бурмистров. Все засмеялись. Федяев тоже. Он сказал:

– Ваше питание производится из расчета 1 рубль 5 копеек в день. Так что на разносолы не рассчитывайте.

– Послушайте! – перебил его кучерявый еврей. – Кормите нас на рубль. Больше не надо. Надо меньше. Только исключите из меню комбижир.

– Не могу, – ответил майор, – пойду под трибунал.

– Тогда подавайте комбижир на отдельной тарелке…

– И т. д.

Рота возвращалась в казарму. Прошли мимо генеральской «Волги», стоявшей на плацу. Молодой сытый шофер в штатском костюме курил, присев на переднее крыло машины. У него был равнодушный ко всему вид, равнодушнее, чем у генерала.

***

В самом деле – «дембель» отменили. Утром командир роты вышел на крыльцо казармы и начал:

– Положение в Москве напряженное… в связи с приездом американского президента… постоянная готовность…

– Что вы его все так боитесь? – раздался крик из четвертого взвода. Майор сглотнул слюну и продолжал.

В столовую шли молча. Все думали, как не вовремя приехал американский президент.

– Мы его, собаку, еще больше возненавидим после этого, – сказал Заболоцкий. Во взводе рассмеялись, потом замолкли. Бурмистров сказал:

– Скоро петь начнете. И просить никто не будет. От тоски.

И опять: раз-два, раз-два – зашлепало 260 ног по асфальту. А перед столовой:

– Головные уборы снять! Справа в колонну по одному – шагом марш!

В столовой пахло тушеной капустой и было жарко. Столы стояли в три ряда. Еще были залы, где ели солдаты срочной службы. Салаги, обритые и голодные, воровали сахар с офицерских столов. Их никто не гонял за воровство.

Сегодня раскладывал Бурмистров. Он положил огромный липкий комок гороховой каши в миску толстяка Заболоцкого.

– Не надо столько, – хмуро сказал тот.

– Ешь, ешь, – ответил Бурмистров, – дома жена такого не приготовит.

– Я жене за такое такого бы надавал…

После завтрака курили, тянули время – нечего спешить на строевой тренаж. Но скоро послышалось:

– Вторая рота, стройсь!

Никто не шевельнулся, пока команду не продублировали командиры взводов, а за ними командиры отделений. В отделении Сергея кого-то не хватало. Он оглядел площадку перед столовой, увидел своего человека, это был Варин, но Сергей не смог вспомнить его имени. Кричать «Варин» казалось невежливо, а «господин Варин» – слишком иронично.

– Слушайте, – спросил он Бурмистрова, – как зовут того худого парня с хлюпающим задом – Саша, что ли?

Бурмистров сказал:

– Какая разница, Саша – не Саша. Крикни: фиг мамин – прибежит сразу же, – и, не дожидаясь Сергея, закричал: – Эй, фиг мамин!

Парень оглянулся и побежал в строй. У него были усы и бородка, напоминающие Бурмистрову низ женского живота. Весь взвод покатывался со смеху, когда Бурмистров третировал экскурсовода. «Не шевели губами, говорил он, не то случится непоправимое. Не буди во мне зверя». Ответные шутки Варина успеха не имели.

Рота занималась на плацу. Грохот сапог сливался с грохотом перевариваемой гороховой каши. Желудки работали, как мотоциклы. Первым не выдержал экскурсовод Варин. Он с бледным лицом попросился выйти из строя и, держась за живот, побежал в туалет. За ним, не спрашивая разрешения, помчался Бурмистров. Кто-то весело крикнул:

– Держись теперь, Варин! Надо было молчком! – и тут же изменился в лице и побежал за ними.

Это напоминало стихийное бедствие. К туалету мчались, как за дефицитом. Лишь толстый Заболоцкий шел не торопясь, но на полпути сделал резкий рывок и побежал, на ходу расстегивая галифе. Благо, ремня у него не было.

Заболоцкий хотел сесть рядом с Бурмистровым, но тот предупредил:

– Сядь подальше. У меня радиус поражения четыре метра.

После отбоя, лежа на койке, экскурсовод Варин спросил Бурмистрова:

– Откуда у вас на ягодицах такие шрамы? На мину, что ли, сели?

Раздался смех. Оказалось, что еще никто не спит.

– Да нет, товарищи, не на мину. Было значительно хуже. Это страшная и поучительная история. Лет десять назад была у меня любимая женщина, а у нее был большой дог или бульдог, не знаю, но носа у него не было. И вот как-то лежу я на ней чин-чином, и вдруг кобель

выскакивает из ванны, куда она его все время запирала, и бросается на меня. Еле под одеялом спрятался. А вот зад сберечь не удалось. Домой прихожу – задница вся залеплена-забинтована. Жене признался честно: собака покусала. А она мне: а брюки почему целы? Думал, не заметит, ведь жалко рвать свои лучшие брюки. Да и не до того как-то было.

Сергей смеялся и думал, сколько в этом рассказе может быть правды. А в самом деле: откуда взяться на заднице таким шрамам?

День прошел, и никому они не понадобились – ни Родине, ни собственным семьям. Бурмистров крикнул на всю казарму:

– Дежурный!

– А?

– Пописать отведи…

Смеяться над выходками Бурмистрова еще продолжали, но это были какие-то вялые, привычные, почти автоматические смешки. Сергей вышел из казармы через час после отбоя. Дневальный взглянул на него, но было похоже, что не увидел. Сон материализовался в его глазах серой мутью.

В тишине ночи Сергей слышал, что где-то далеко тарахтит мотор легковой машины. Он не задумался, куда направляется машина и кто в ней едет. На погонах пассажира была только одна звезда – не очень большая, но все же побольше, чем четыре капитанских. Офицер возвращался из столицы после показательных стрельб. Возвращался раньше времени, поэтому он попросил таксиста остановиться задолго до КПП – не хотелось ни с кем здороваться и, тем более, объясняться из-за отвратительного настроения. Он, как и все другие офицеры, знал лаз, которым пользовался рядовой состав для самовольных отлучек из расположения части.

Сергей в это время подходил к офицерскому домику.

***

Майор Пестов вошел в комнату и остановился у двери. Рука потянулась к пупырышку выключателя, но застыла на полдороге. Получилось, что он просто погладил стенку.

Он задумался: каким образом он достоверно знает, что дочка спит в своей постельке, а жены в комнате нет? Майор включил свет: «Товарищ выключатель! Разрешите вас включить». Настенька посопела и повернулась на бок. Постель жены была не смята. На подоконнике стоял флакон с розовым лаком для ногтей. Он понял, чем пахло в комнате и почему он сразу догадался, что Людмила ушла.

Он выключил свет, достал из заднего кармана брюк фляжку коньяка и сделал несколько глотков. Потом оседлал подоконник: одна нога свешивалась наружу, другая опиралась на пол. Было неудобно, и он взял стул, придвинул его к окну и стал смотреть в ночь. Смотреть на звезды было неинтересно. Он стал разглядывать щиты вдоль дорожек. Он удивился, что информация на щитах что-то значит. Раньше все это было для него только световыми пятнами. Он уснул, почти упираясь носом во флакончик с лаком. Иногда он просыпался, пил коньяк и засыпал снова.

Окончательно майор проснулся от того, что во фляжке кончился коньяк. Настенька посапывала. Он встал и потрогал ремень с тяжелой кобурой. В шкафу он нашел один патрон, невесть когда и после каких стрельб оставшийся у него. Он положил его в нагрудный карман. Потом пошарил вслепую ладонью по полкам и махнул рукой. В голове забренчало легкомысленное: «И одною пулей он убил обоих».

«Глупое танго, – думал он. – И глупо выражать свои чувства чужими словами. С другой стороны, на что все эти стишки и песенки нужны? Только для этого: помочь нам выражать свои чувства словесно. Иначе бы мы только мычали. Но есть и неприятный момент: эти песенки

предоставляют готовые решения, а ведь они глупы заведомо. Хотя что это я? Одной пули, действительно, может хватить на двоих. Даже троих. В смысле решения вопроса.

Вот оно: нет песенки – и нет формулировки. Какого еще решения? Да и есть ли вопрос?» У него закружилась голова – так ему не хотелось, чтоб вопрос был.

Он шел к КПП мимо охраняемых складов. Он знал, что на складах «деды» хранят водку, но сейчас ему не хотелось выпить. Ему всегда нравилось смотреть на часового с карабином. Сегодня за колючкой никого не было, и ему стало досадно. Он услышал выстрел, но от собственных мыслей не отвлекся и продолжал брести по асфальтированной дорожке, тяжело шаркая ногами.

У сарайчика, где располагалась библиотека, он увидел капитана. Капитан, прижимаясь к стене, махал ему рукой. Майор Пестов похлопал по карману, где лежал патрон и подошел к библиотеке. Капитан за шиворот втащил его за угол.

– Ты чего? – удивился Пестов.

– Это ты чего? – капитан нервничал. – Разве не слышал?

– Что слышал?

– Что-что… Стреляют. Да от тебя разит за версту. Вон в чем дело.

– Кто стреляет?

– Разберемся. Похоже, часовой.

– Иди ты!

– Оружие с собой? Патроны дать?

– Есть один.

– Хватит. Будь здесь, а я обратно на КПП. Нужно объявить тревогу.

До Пестова стало доходить, что ситуация нештатная. Но он еще был весь в своих мыслях:

– А я думал тебя на КПП застать…

– Ты сперва достань пушку, а я на КПП. Надо ж такому случится в мое дежурство. Я Ваню послал на склад за водкой, чтоб после ночи оттянуться, а вышло… Видишь, лежит?

– Кто? – Пестов вопрос задал, но он уже видел, что у ворот неподвижно лежит солдатик. – Это Ваня?

– Он. А на часах салага. Видно, достали его деды. Это… как его? Штангу тягает. Думал, сильным станет, поможет.

– Фамилию тоже не помню. В лицо помню.

– Постарайся не дать ему уйти в случае чего. Все, бегу. Пришлю к тебе кого из караула.

– Я и сейчас легко могу его… эээ… нейтрализовать.

– Ни в коем случае! Пусть начальство решает. Перестройка, понимаешь…

Капитан побежал, стараясь, чтоб между ним и складом были постройки. Он бежал согнувшись.

Пестов достал пистолет и патрон, вынул обойму, вложил в нее патрон, вставил обойму в рукоять пистолета и дослал патрон в патронник. Он предполагал это сделать на КПП. Большего он не хотел. Но для эффекта передернуть затвор хотелось. Сейчас ему стало ясно, что Людмилы на КПП нет и не было. Конечно, теоретически… Нет, не было. Капитан часто и слишком нежно прижимал к себе в танце Людмилу, не по чину. Пестов не обрадовался, когда ему стало ясно, что ее не было на КПП. Не обрадовался, потому что это ничего не решало. Главное, что ее ночью не было дома. Вот тебе за то, что из Москвы в часть возвращаешься внезапно. Вот тебе. Вот.

Какое-то время было тихо. Он понимал, что капитан сейчас названивает по инстанциям. «Инстанции» еще не прочухались со сна. Но вот завыла сирена. Видимо, капитан дозвонился до кого-то, кто смог принять внятное решение.

Из казарм, в которых жили солдаты срочной службы, почти сразу же раздался гул пробуждающейся массы людей. В казармах с офицерами запаса было тихо. Только одинокая полу-

голая фигура вышла из дверей и направилась в сторону туалета. Верхняя часть фигуры, то есть голова, недоуменно вертелась в разные стороны.

«Труп» Вани, лежащий у ворот склада, вдруг зашевелился. Ваня приподнял голову и посмотрел в сторону майора.

– Ах ты дрянь, – ругнулся майор. – Наверное, у Вани прошел болевой шок. Наверное, начнет стонать. А штангист свихнулся, того гляди стрельнет. Ах ты дрянь.

Ваня делал усилия приподняться. Они были монотонными и почти механическими. Его голова и левое плечо то поднимались, то опускались.

***

Никто не знал, что тревога настоящая. В казармах ругались, кляли начальство, но прыгали с двухэтажных коек и одевались. Из казармы не выпускали и к окнам, обращенным в сторону складов, велели не приближаться.

Людмила и Сергей дурачились в медпункте. Они уже не спали, их разбудил выстрел, но они оба не поняли, что это был за звук. Они приближались, играя, к самому интересному, когда услышали сирену. Сергей не обратил на нее внимания, он рисовал символ бесконечности на груди Людмилы. Получалось хорошо. А она вскочила, как ужаленная.

– Сереженька, надо бежать.

– Несколько минут ничего не решат…

– Надо бежать скорее, – она в прямом смысле стала выталкивать его на крыльцо, он едва успел собрать разбросанную форму. Он одевался на улице, а она заперла медпункт и в платье на голом теле, с бельем в руках, убежала в сторону своего жилища.

Сергей со стороны казармы услышал шарканье многих сотен сапог, потом разглядел знакомые лица и влился в бегущую толпу. В летнем клубе несколько раз провели перекличку и услышали еще один выстрел. Строжайше велели не покидать летний клуб, командиры рот были настороже. Впрочем, без утреннего туалета это было невозможно – не покидать. Те, кто покидал, из кустов приносили свежую информацию. Говорили:

– Один наповал.

– Нет, два наповал: срочника и офицера.

– Какой еще повал? Оба шевелятся.

– Что будет со штангистом?

– Каюк ему будет.

– Так вроде бы все живы.

– Пока. Пока еще живы.

– Так перестройка сейчас. Помилуют.

– По армейским преступлениям такого рода не милуют. Знаю достоверно.

У штакетника, которым был огражден летний клуб, появился шофер, когда-то привозивший генерала с красными лампасами. Шофер курил, опершись на штакетник. Галдеж прекратился, когда послышался непривычный звук моторов бронетранспортеров. Две машины проехали в сторону складов.

– Ого! А почему не танки?

– Броневичком загородят раненых от штангиста и увезут.

– У него карабин?

– Не только. Еще и пистолет.

– Откуда у часового пистолет?

– Ему майор бросил.

Из отдельных реплик складывалась такая картина: майор хотел унести раненого солдата от ворот склада с целью оказания медпомощи. Штангист не подпускал. Майор подошел к воро-

там с поднятыми руками, держа пистолет за ствол. Потом бросил пистолет в сторону штангиста, а тот в это время выстрелил.

– Дурак этот майор.

– Хм…

– Не мог бронетехники дождаться.

– А что за майор?

– Пестов.

Ждать было тягостно. Хоть никого никуда не отпускали, но новые подробности неожиданным образом появлялись. Вокруг говоривших образовывались плотные людские кучки. Плотность кучек менялась в зависимости от характера распространяемой в них информации. Опять появились бронестранспортеры, они направлялись в сторону КПП.

– Все, – сказал Бурмистров. – Скоро завтракать поведут.

Заболоцкий задумчиво погладил живот:

– Может, с обедом совместят?

Варин спросил:

– А где штангист?

– Хотел застрелиться из майорского пистолета. Приложил дуло к виску и промазал.

– Как так?

– Да в собственную голову разве попадешь?

– Замнут, как вы думаете?

– Не-а. Тут генерал-майор давно. Одних машин скорой помощи не счесть. А кэгэбэшников больше, чем нас всех вместе взятых.

Сергей под предлогом посещения кустов перемахнул через штакетник. Он вышел на асфальтированную дорожку и направился в сторону офицерского жилища. Совершенно непонятным образом перед ним очутился капитан, которого Сергей видел на КПП. Он спросил:

– Вы, собственно, куда?

– Я?

Капитан по-клоунски заглянул за плечо Сергея.

– Вы. Тут больше нет никого. Я проверил.

– Э-э-э…

– Кругом марш.

– Е-е-е…

Оказалось, что по территории части снуют группы незнакомых военных. Общение с ними не предполагало ничего хорошего. Сергей вернулся в летний клуб. Клуб неожиданно оказался пустым. Только с десяток фигур маячило в разных углах.

Кучерявый еврей, когда-то спрашивавший у генерала про комбижир, обрадовался Сергею:

– Ну вот! Хоть один из командного состава!

– Кто? Я?

Люди стали подходить к ним.

– Ты! Нам, отставшим, в столовку лучше идти строем. По одному переловят и вопросами замучают. Давай, строй народ.

– Да какой из меня командир, господа?

– Какой-никакой, а командир отделения. По должности здесь нет никого выше тебя.

– Право же… Ну, стройтесь. Прошу вас, в шеренгу по одному.

Еврей продублировал команду:

– Стройсь в шеренгу по одному! – увидев отлынивающего от построения Заболоцкого, он громко крикнул, подражая Бурмистрову: – Эй, фиг мамин, давай сюда!

– Я с вами не хочу, – ответил Заболоцкий. – Особенно…

– А ну, кобыла жеребая, в строй!

Заболоцкий встал. Еврей вдруг засомневался:

– До сих пор без ремня… Из-за тебя и нас тормознут. Ты был прав: иди один.

– А теперь не уйду.

До столовой дошли без происшествий.

***

Бурмистров после обеда раскололся. Он рассказал Сергею, откуда у него шрамы на ягодицах:

– Я этого штангиста понимаю. Даже не важна конкретная причина, почему он сегодня стрелял. Довели. При такой силище, какую он накачал, подчиняться хлюпикам – себя не уважать. Вот он в одиночестве на часах накрутил себя и стрельнул в первого попавшегося «деда». Меня забрили как раз в хрущевскую реформу. «Деды» бесились. Я у них был старшим по выключателю, день и ночь стоял возле него на карауле. Обращаться с ним нужно было по полной форме: «Товарищ выключатель, разрешите вас выключить! Товарищ выключатель, разрешите вас включить!» Однажды взбрыкнул. Ну, и сказали мне: «Не хочешь стоять, будешь караулить сидя». Вот и сидел полгода на битых бутылках голым задом.

Он курил «Приму» и сплевывал крошки табака себе под ноги.

– Библиотекарша, к которой ты бегал, жена этого Пестова? Я сам бегал за любой, кто даст. Но из-за меня никто под пули не лез. Ты видишь разницу? Со мной только перепихнуться. А с тобой как бы надежда. Есть ли что в тебе, нет ли – другой вопрос. Но ты надеждой манишь. Ладно, я пошел в сортир, пока тебя там нет.

Бурмистров направился к туалету. Варин шел туда же. Увидев Бурмистрова, он остановился, в задумчивости постоял посреди дорожки, достал из кармана кителя аккуратно сложенную газету, переложил ее в другой карман и подошел к Сергею. Он стал говорить о том, о чем он только что думал. Будто просто включил громкую связь:

– Только любовь связывает, а не прессует…

– Простите, я не хотел бы…

– Ох, простите!

– Да ладно. Думал, что никто… А оказалось, что все обо всем… Да ладно! – Сергею стало казаться, что все думают только о нем.

– Любовь связывает, представляете? Будто у двух клеточек исчезают соприкасающиеся стеночки мембраны. Это чудо. Как ни странно, любовь позволяет остаться неспрессованным в любой ситуации, даже в нашей. Вы гениально сопротивлялись. Вы сказали: «Да ладно»? Тогда позволю себе чуть-чуть… Я так завидовал вам, когда вы спрыгивали по ночам с койки и уходили из казармы. Представляете? Я, примерный семьянин, которому действительно не интересны другие женщины, кроме жены, который в душе осуждает всех жуиров и донжуанов – вам завидовал. Это романтично. Так сперва я думал. В вашем случае не было похабства. Мне ситуация напоминала песню Высоцкого о двух автомобилях, помните? – Он сделал попытку пропеть и осуществил ее с большой фальшью: – «Будто знают: игра стоит свеч…» – Варин мог бы просто продекламировать. Конечно, петь – удовольствие, но заставлять слушать – уже садизм. Варин продолжал: – Вы были на сцене, а казарма партером. На вас был ореол геройства. Происходящее мне казалось романтичным. Потом я стал анализировать и пришел к выводу, что это было социальным протестом.

Сергей не прерывал Варина. Оказалось, что известно буквально все. Каким образом это получалось? Кто-то что-то увидел, кто-то что-то услышал, кто-то сопоставлял и анализировал,

кто-то озвучивал – и чудесным образом информация оказывалась во всех головах. Степень ее искажения сейчас была не важна.

– Для меня это было пощечиной военщине, а в символическом плане – всему мировому милитаризму… – Он подыскивал слова. Не потому, что их у него не было. Просто с паузой они звучали весомей. – Видите ли, я экскурсовод. Я рассказываю людям о великом, понимая, что все великое состоит из подробностей. Понимаете? Нет великого как целикового явления, есть совокупность малых форм… Ох, простите, мне пора. Бурмистров уже ушел.

В казарме Сергей увидел, что Заболоцкий опять пользуется его зеркальцем.

– Дрянь твое стеклышко, – Заболоцкий кинул зеркальце на койку Сергея. – Одну дрянь показывает. Привыкло, и иначе уже не может.

– Да вы что – белены все объелись?

– Причем тут белена? Одну дрянь в твоем зеркальце видно.

– Купи себе свое.

– Э, нет. Тогда пенять не на кого будет.

«Нет, Бурмистров дурак, – думал Сергей, приводя в порядок койку. – Это с ним никто в сортир не пойдет. Он слишком лестно для меня обрисовал ситуацию. Слишком. Да и Варин нес пургу. Он пытался измельчить проблему. По его словам нет проблемы, есть проблемки. А с мембранами у него получилось великолепно».

***

Сергей осторожно прикрыл за собой дверь. Людмила металась по комнате, собирая вещи. Она мельком взглянула на него, запихивая в сумку черные мужские треники.

– А, это ты…

– Где Настенька? – он пристроился на корточках рядом с ней.

– Зачем она тебе? У Ольги в медпункте. Ты пока больше не приходи. То есть… Не пока – просто не приходи.

– Это не правильно.

– Не важно. Правильно, не правильно, а не приходи.

– Ты успокойся. Потом решишь.

Она заплакала, прислонившись к нему головой. Вот она всегда так: или держится за километр, или сразу прижимается, почти сливается с тобой.

– Я залезла в «скорую», меня не пускали, а я залезла. Медбратики меня особо и не тормозили. Так, ласково за локотки придерживали. Я коленки изодрала о бампер или что у них там… Он был в сознании, а я боялась, что он меня не увидит. Или наоборот хотела… Все вместе было: и хотела, и боялась. Так на коленках и подползла к нему – не потому, что виновата или чтоб он мягче стал, а просто там, в машине, не разогнешься. Да и быстрей на коленках… Задышала ему прямо в лицо шепотом, жарким щепотом – он даже дунул трубочкой. Ну, губы трубочкой сложил и дунул, чтоб остудить мои слова. А я то ли шепчу, то ли свищу горлом: «Прости, а?» Он улыбнулся. Не кисло улыбнулся, ему не до иронии с такой дырой в плече. Держит зло, не держит зла – не знаю. Но видела: не все в его душе порушено. Даже как будто крепче стало. «Зачем тебя туда понесло? Дождался бы бронетехники… А ты с пистолетом…» «Начхать на пистолет… Я Ваню… утащить…»

Я ему не поверила. Я никогда ему не верила, о чем мы вчера… помнишь? Не верила, и сегодня не поверила. Но это «не поверила» лучше, чем все остальное: я не поверила, что из-за Вани. То есть из-за него тоже, но если бы Ваню и не ранили, он все равно бы под пулю… понимаешь? Он же специалист по огневой подготовке, он же не салаженок-штангист, он бы не промахнулся в свою голову.

И как только до этого додумалась, так сразу и поняла: он говорил правду, он полез туда только из-за Вани. Потому что он нормальный человек. Вы его Скалозубом прозвали, я знаю и он знает. Но ведь Скалозубы водили солдатиков под пули, Скалозубы родину защищали. А Чацкие только по балам и по бабам. Представляю, что у него всю ночь было на душе. Но для него начинать жизнь сначала – это такая ерунда, это набор пустых звуков. А куда девать уже прожитое, куда Настю? Деревцо взошло, листики вылезли – не запихнешь же опять все обратно в семечко, – они в последний раз сидели рядом на полу, прислонившись друг к другу. Из сумки торчали черные мужские треники. Они сидели, как старик со старухой у разбитого корыта. – Он нормальный в хорошем смысле слова, а мы с тобой… на всю голову в плохом. Нет, отчего же, я не против быть ненормальной. У нас в части каждая вторая с энтузиазмом говорит о себе: «Ах, я такая ненормальная!» Теперь не каждая вторая. Теперь, со мной, каждая первая. Но видишь, что происходит, когда ненормально. Он меня лишил права быть ненормальной. Я бы и без права… Но это уже не по-людски.

Сереженька, давай прощаться, я больше ничего не хочу… Нет, не так: я больше ничего не буду. Ты уже никогда не приходи. Ты же понимаешь, почему? Только не отвечай, прошу тебя, не отвечай. Вдруг ответишь «понимаю»…

***

А еще вчера он прибежал в библиотеку, чтоб договориться о встрече вечером, и с неистовостью прижал ее к себе, а она заслонялась от него раскрытой книжкой, держа ее перед собой:

– Вот… Давно хотела тебе показать…

– Я сам посмотрю, что мне интересно, – его глаза и руки были бесстыдны.

– Нет, прочитай, что она пишет…

– Кто пишет?

– Роза… Роза Шанина, снайперша… Она погибла на войне. На ней только подтвержденных пятьдесят восемь фрицев.

– Так уж на ней…

– Вот послушай, – перебила она. – «На сердце тяжело, мне 20 лет, а нет близкого друга, почему? И ребят полно, но сердце никому не верит», – Людмила сложила книжку, прижала ее к своей слабенькой груди. – Представляешь? Представляешь? Вроде, про войну читаешь и о войне, а тут прямо о тебе и такими словами: «Сердце никому не верит». Видишь, как точно – будто в яблочко? Любовь-нелюбовь – это потом, сперва надо поверить. Тысячелетиями разгадывали тайну любви, а ответ вот он – в гарнизонной библиотеке, в воспоминаниях юной снайперши: «надо поверить сердцем». Не спрашивай, что такое: «сердцем». Это… это ключик. Может, это еще и не сама любовь, но без ключика никак. А самое главное: не бери, не бери, не бери меня взаймы. Я не рубль, столько же «меня» отдать невозможно. А ты ведь собирался? Сперва ведь собирался?

– Забудь.

«Мало ли как начинается, – подумал он. – Да и кто знает, что что-то начинается? Человек живет себе и живет, как обычно жил. И совсем не чувствует, что что-то начинается. Ну да – появляется новая женщина. Но ведь принципиально нового ничего не появляется, у нее все как у всех. И вдруг чувствуешь, что она реагирует на тебя так, как никакая другая не реагирует и не реагировала. И ты видишь себя по-новому, и присматриваешься к самому себе – что ж в тебе такого, и понимаешь, что все как у всех, кроме того, что из всех женщин мира для тебя осталась только одна она, и ты при этом не обеднел, а сказочно разбогател».

– Ты знаешь, что я в разводе? – спросил он ее.

– Да, – она замерла, ожидая, что будет дальше.

Это было только вчера. Наверное, сегодня их слова полностью еще не растворились в мире. Наверное, они еще носятся где-то между землей и небесами.

Вот они – Фили

– «Когда мы, коммунисты, боролись с религией, то не понимали простой вещи – человек приходит в храм не к священнику, а к Богу. А мы думали, что достаточно протащить в церковь пьяницу, педераста, развратника или вора, и люди потеряют веру».

Александр Олегович Бак, руководитель кафедры фотожурналистики, вел семинар. В левой руке, привыкшей к приятной тяжести дорогостоящей фотоаппаратуры, он держал пожелтевшую перестроечную газетку. Указательным же пальцем правой руки водил по тексту и зачитывал:

– «А сегодня, когда рухнула коммунистическая идеология, мы пытаемся опереться на церковь. Неожиданно мы обнаружили, что наши креатуры – стукачи, пьяницы и педерасты – за эти годы достигли самых высоких постов, и нам не на кого опереться!»

За глаза его звали Папа-папарацци. Он оглядел студентов:

– Это выдержки из статьи бывшего главы комитета по делам вероисповеданий в СССР. Что скажете?

Какое-то время в аудитории было тихо.

– В таких вопросах опираться можно разве что на Бога, – со вздохом сказал лохматый Ваня Фомин. – Но это коммунистам не положено по штатному расписанию.

– Поясни, пожалуйста.

Сформулировать подоплеку шутки Ване было труднее, чем схохмить. Но он попытался:

– Мне кажется, во втором абзаце чувствуется обманутое ожидание чуда.

Папа-папарацци погладил седую аккуратную бородку, потом потрогал нос, будто б выправляя его немного вправо.

– Другие мнения есть? Мне известна еще одна точка зрения: «Церковь живет и хранит правду даже в те периоды истории, когда в ней нет ни одного истинно верующего». Не предлагаю вам дать оценку этому положению. В нем много всего. Но любую задачу…

– Оценку можно дать прямо сейчас, – перебил Ваня преподавателя. – Это ведь беззастенчивый карт-бланш на любые мировоззренческие кульбиты.

Папа-папарацци досадливо поморщился.

– Дай договорить, – он немного помолчал, вспоминая прерванную фразу. – Но любую задачу, даже на первый взгляд неподъемную, можно решить, если разбить ее на этапы. Давайте попробуем. Я был немного знаком с отцом Кириллом. Среди церковных иерархов в девяностые годы он был очень заметен. Совместная работа с утвержденным в КГБ клиром, наверное, не могла не заразить отца Кирилла цинизмом. Но циник не то же самое, что безбожник. Насколько знаю и помню, его мать была глубоко верующей. Он не мог не унаследовать от нее если не веру, то потребность в вере. А это уже много. Некоторые восторженные поклонники даже пророчили ему в недалеком будущем самый высший пост…

– Неужели патриарха? – не вытерпел Ваня.

Папа-папарации не обратил внимания на него и продолжил:

– Однако он нежданно-негаданно пропал. Во всяком случае, после девяносто восьмого о нем ни слуху, ни духу. В Патриархии никаких сведений не дали по непонятным причинам. Я нашел только это… – он взял со стола несколько листочков бумаги и развернул их веером. – Данный очерк о Филях найден мной в интернете. В нем упомянут некто Брякин. Брякин – мирская фамилия отца Кирилла. Итак: кто готов принести мне фотографию Кирилла Брякина? Живого или… Нет, все-таки живого. Правда, и времени прошло прилично, и наши девяностые были беспокойными, так что…

В аудитории опять стало тихо. Только похрустывали шейные позвонки – крепкие юношеские и нежные девичьи – студенты поглядывали друг на друга недоуменно.

– Почему именно Брякин? – спросила Регина Осадчая. Она сегодня была за дальним столом. Ване приходилось часто оборачиваться.

Папа-папарацци был удивлен. Не по-настоящему удивлен, а «педагогически».

– Все очень просто. Мне, преподавателю, нужно подыскивать вам творческие задания. Не могу же я просить вас сфотографировать Президента на рыбалке или в бане, – студенты дружно похихикали. – Наверное, вам хочется знать, есть ли у меня личный интерес к фигуре Брякина. Никакого. Разве что вы раскопаете что-то сенсационное. Тогда – да, о нем в свое время много говорили, я тоже. Сенсация маловероятна, давно бы просочилась. Но ведь как заманчиво – коротким репортажем, а то даже одной фоткой подтвердить или опровергнуть слова бывшего главы бывшего комитета бывшего СССР. Мы сейчас говорим не об экологии дачного прудика, а о церкви – институте с многовековой историей. В кои-то веки я предложил вам серьезное задание.

Он встал, прошелся по аудитории и положил листочки перед Ваней:

– Тогда ты, Фомин. Потому что первым захихикал, – он улыбнулся и ткнул пальцем в противоположный угол аудитории. – Вместе с Региной. Это зачетная работа.

После занятий Ваня переговорил с Региной. Оказалось, что сегодня она занята. Ваня поехал в Фили на рекогносцировку. В метро он прочитал очерк, автором которого был некто Сергей Шевцов. Название настораживало некоторой изощренностью – начиналось с многоточий и с маленькой буквы:

«… вот они – Фили
1998

Фили – это не район Москвы. Это – воплощенная в реальность смычка между городом и деревней.

Здесь по ночам громко лают и воют собаки, и заблудшая легковушка испуганно торопится проскочить странное место, ежась и избегая темных тротуаров.

Здесь люди просыпаются рано. Они шаркают подошвами посреди проезжей части улицы и потом скапливаются у входа в метро, в ожидании открытия попыхивая дешевыми сигаретами. Красные огоньки сигарет светятся в руках молчащих мужчин и женщин. Скоро из темноты появляется сверкающий огнями синий поезд; он несется почти по улице – метро здесь не зарыто в землю, среди окружающей грязи и скудости поезд кажется пришельцем из будущего; правда, на стекле одного из вагонов уже крупно нацарапано: «Смерть гопоте». В вагонах – интеллигенты из Крылатского, изо всех сил старающиеся сохранить себя в этом качестве, хорошенькие студентки из Кунцево, на «Пионерской», «Филевском парке» и «Багратионовской» к ним присоединяются пролетарии из Мазилово и Филей. Вагоны полны людей с раннего утра до позднего вечера – это рабочий район.

Средний срок жизни пролетариев соответствует статистике – до пенсии доживают редко. Немногочисленные старики появляются на улице, когда расцветет. На них полувоенные кители или то, что они не успели сносить в восьмидесятые, до перестройки. Чаще всего они приветствуют друг друга отданием чести. На окрик: «Привет, Петрович!» красная рука с черными морщинами взлетает к фуражке или спортивной шапочке с надписью «Adidas», доставшейся от внука. А старушки обеспокоены сиюминутными проблемами. У метро они расставляют лотки и торгуют квашеной капустой, солеными огурцами, хлебом, варежками, носками, сушеными плодами шиповника, вареньем. Они считают, что миром правит нужда и скудость. И иногда что-то покупаешь у них. Потом эти банки с ржавеющими крышками забываются под кроватью.

Здесь в метро (поезд №66, следует до станции «Молодежная») после работы умирает худощавая женщина. Сначала по вагону проносится: «Есть врач? Женщине плохо!», а потом

видишь мужчину, слишком спокойно достающего маленькую круглую таблетку (он роняет ее на пол и также неторопливо достает другую), он двумя пальцами запихивает белый шарик в рот потерявшей сознание женщине, но шарик тут же выкатывается изо рта на воротник пальто.

Поезд тормозит, и ты врываешься к машинистам: «В первом вагоне женщина в обмороке, надо вызвать врача!» И заскакиваешь опять в вагон, и буквально на следующей остановке по платформе Киевской-радиальной бежит толстый медработник в черной форме с золотыми пуговицами и фуражке с красным метрополитеновским верхом, он решительно продирается сквозь толпу, но вдруг слышишь: «Ну как я могу ей помочь?» И они под руки несут ее, а ноги покойницы (как выяснится позже из имеющихся у нее документов – Галины Григорьевны Брякиной) волочатся по мраморному полу. Еще в ее сумке обнаружат литр биокефира и пакет с проросшими и размолотыми зернами пшеницы.

Толпа вносит тебя обратно в вагон и трамбует с близстоящими пассажирами. В этот раз удачно трамбует: рядом с девушкой. Транспортные неудобства компенсируются пикантностью ситуации. Всю дорогу чувствуешь ее нервное тело и аромат тонких, как говориться, ни разу не питых духов. А на своей станции видишь прекрасные девичьи ноги, и узнаешь запах этих ни разу не питых, и уже вертится в голове какая-то легкомысленная фраза, и набираешь полную грудь воздуха, чтоб произнести эту фразу не заикаясь, но тут кто-то берет тебя под руку:

– Гражданин… Пройдемте с нами, гражданин, – низкорослый молоденький милиционер берет под козырек.

– Что? Что? В чем дело?

– Мы просим вас уделить нам пять минут… пожалуйста… надо бы протокол…

В ноздрях тает тонкий аромат. Скорей всего, никакого аромата там уже и не было – это память еще что-то пыталась сконструировать из изящных линий и неясных фантазий. Бессмысленно оглядываться – такие ноги долго на месте не стоят. Запах в участке едкий, как нашатырь. Долго ждешь составления протокола, чтобы потом поставить подпись под протоколом обыска какого-то бомжа.

А Ольга Сорокина – обладательница тех шикарных ножек, зябко ежится в короткой шубке, выйдя из метро.

«Холодноват в Москве март, холодноват. А из одежды для такой погоды у меня все равно ничего нет. Какая давка в метро. А тот мужчина из метро все-таки не догнал меня на улице. Ведь по глазам видела: хотел».

Хотел… Хотел:

это спальный вагон скорого поезда №1 «Москва-Минск» сладкое сопение очаровательной провинциалки зеленые ладони одноруких светофоров ложка звенит в стакане с подстаканником не спится

это если женщина любит ушами то твое дело швах потому что давно ничего не говоришь потому что глупо и надоело

это минский таксист спрашивает «Скучаешь?» и отвозит тебя на так называемую «тридцатку» перед цирком на проспекте Франциска Скорины и оттесняя других подскакивают две девчушки «Мы из службы досуга нам каждой по тридцать баксов или полтинник за двоих ведь немного для такого роскошного господина?» а ты мямлишь «Я по другой части я так я погулять вышел» и быстро стыдливо ловишь такси и возвращаешься в гостиницу…

Ольга сворачивает в переулок, где начинается темный сказочный лес пятиэтажек, где одну из ипостасей Бабы Яги встречаешь ежедневно и не один раз, где зеленый змий царствует безраздельно и самодержавно. Она старательно обходит мужчину, лежащего головой на газоне, ногами на проезжей части.

Не сказать, что в Филях одни пятиэтажки. Тут есть и высокие дома. Кое-где их даже много. Но все равно они здесь, как пришельцы из другого мира, они похожи на группу иностранцев в зале Пушкинского музея, их много, они громко галдят, однако хозяин здесь все же

маленький, сморщенный, дремлющий смотритель, в данном случае старенькая задрипанная пятиэтажка. Ольга в хорошем настроении, приправленном приятной грустью, идет по пустым дворам и растворяется в темноте.

Здесь ходишь из угла в угол съемной квартирки и размышляешь, как водится, о сути жизни. И тут раздается звонок. Ты в халате, поколебавшись относительно своего внешнего вида, идешь открывать, а там стоит нарядная Маша Курочкина – соседка в еще очень репродуктивном возрасте. Она работает в прачечной, ты много раз сдавал туда постельное белье.

– Здрасте, – говорит она, протягивая толстую бутылку. – Помогите шампанское открыть.

Пробка действительно тугая: «Держите».

– Спасибо. А я теперь одна в прачечной. Поувольняли всех.

– А вообще – тоже одна?

– И вообще – одна, – отвечает девушка. Она говорит, глядя как-то снизу, как провинившаяся собачонка. Она уже что-то смутно ожидает.

– Это… это непорядок, – мямлишь ты.

А после Маша Курочкина плачет на кухне горькими слезами, пытаясь очистить сожженную кастрюлю: ужин сгорел, пока пила шампанское. «Хоть бы случилось что. Хоть бы умер кто. И сосед за стеной своей „Лунной сонатой“ затрахал!»

Здесь вечером натягиваешь на себя спортивный костюм, кроссовки, шапочку и бежишь в прекрасный Филевский парк мимо темных щербатых пятиэтажек. На углу – кучка подростков. Они стоят без шапок и от мартовского холодка втягивают головы в плечи, как мокрые воробьи. Пробегая мимо, чувствуешь опасность, как собака чувствует гниль. Они смеются. Кто-то из них говорит:

– Гражданин, пройдемте для выяснения наличности.

Его сигарета в темноте рисует красную дугу. Подростки смеются еще веселей.

Вот кухня на первом этаже, шторы не задернуты и видно, как солидный мужчина с седой аккуратной бородой закрывает дверь и садится за кухонный стол. В соседней комнате голубоватая полутьма, в которой, забравшись с ногами на кровать, смотрят телевизор мать и маленькая дочь.

Эта женщина сегодня долго ждала своего мужа – Аркадия Михайловича Стыгара. Он пришел поздновато, такой элегантный, пахнущий хорошим вином и чужой губной помадой. Пришел, правда, с цветами. Женщина потом долго стояла у зеркала и разглядывала свое обрюзгшее тело. Изучив некрасивое, зареванное, все в пятнах лицо, она усмехнулась и с мазохисткой радостью вспомнила и применила к ситуации хохму: «Так этому Стыгару и надо!»

Мужчина на кухне поглаживает седую бороду и достает блокнот. Он читает записи и смеется:

«Объявление на одесском пляже: «Граждане утопающие! Так как отныне государственным языком у нас назначен украинский, то крики и вопли о помощи на всех других языках рассматриваться не будут!»

«Француз женился. У него спрашивают: «Ну, как твоя молодая жена?» «Превосходно! Очень рекомендую».

«Учительница пишет записку маме ученика: «Сара Абрамовна! Моню надо мыть. Моня плохо пахнет». Ответная записка: «Сара Соломоновна! Моню надо учить. Моню не надо нюхать».

Седобородый Аркадий Михайлович достает чистый лист бумаги, дорогую черную ручку и пишет большими буквами заголовок: «Национальная психология». Немного подумав, пишет подзаголовок: «Опыт исследования некоторых черт национальных характеров, зафиксированных в анекдотах». Потом кричит так, что слышно на улице:

– Сделайте потише телевизор, глупые женщины!

Успокоившись, Аркадий Михайлович начинает быстро писать:

«Дабы сразу отмести все подозрения в предвзятости и тенденциозности, а также обвинения в национализме со стороны той или иной этнической группы, считаем необходимым предварить эту книгу следующей цитатой:

«За национальным характером, так как в нем отражается толпа, никогда нельзя по совести признать много хорошего. Скорее дело здесь только в том, что человеческая ограниченность, извращенность и порочность в каждой стране принимает иную форму, которую и называют национальным характером… Всякая нация смеется над другой, и все они правы» (А. Шопенгауэр)

Аркадий Михайлович грызет кончик дорогой ручки, выклянченной на выставке у какого-то фирмача.

Добрейшая Маша Курочкина драит сожженную кастрюлю и желает смерти – пусть даже себе.

Участковый поднимается по лестнице, сверяет по бумажке номер квартиры и стучит в дверь. В руках у него большой сверток. Отец Кирилл (в миру Брякин) открывает дверь и недовольно спрашивает:

– Что случилось?

– Здесь была временно зарегистрирована Брякина Галина Григорьевна?

– Да, а что все-таки…

– Это ее вещи. Скончалась сегодня в метро от… Вы лучше позвоните. Вот телефон морга на Россолимо.

А то, что раньше называлось Галиной Григорьевной Брякиной, – а сейчас просто холодное тело без наличия швейно-пошивочных изделий, – лежит на металлическом столе с номерком на большом пальце ноги под ярким синим светом. Ольга Сорокина стягивает с себя тонкие колготки, заляпанные похотливыми взглядами, и идет греться в ванную, расположенную в совмещенном санузле. Ты бежишь по парку и на некоторое время убегаешь от себя…

…вот они – Фили».

***

Ваня погулял по отстроенным Филям. Новенькие высотки сверкали. Иномарки среди них казались необходимыми аксессуарами. Из автомобилей выходили шикарные девушки – настоящие «мисс Тюнинг». Район был образцом довольства и элегантности.

Очерк давал представление о Филях в девяностые. Но цель существования очерка в сети была непонятна. Ведь все прошло давным-давно. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – в данном случае совсем не о том. Можно предположить, что автор – историк. Для историка факты имеют самодовлеющую ценность. Но здесь автор является источником информации и, в каком-то смысле, самим фактом, что неминуемо вызывает предположение в субъективности изложенного. Нельзя «выбежать» из факта и оказаться вне истории. Возможно, автор через себя пытается втянуть читателя в историю.

Ваня повернул бейсболку козырьком на затылок. Лихо я передернул словосочетание «втянуть в историю». Годится для заголовка, надо запомнить.

Он достал смартфон и в строку поиска набил: «адресная книга Москвы по фамилии бесплатно». Шевцовых оказалось несметное количество, а вот Марий Курочкиных всего 45, вполне приемлемо. Круг поиска суживался Филями. Ваня стал названивать. После нескольких «Вы ошиблись» глубокий старикан прошамкал:

– Маша в «Буратино».

«Буратиной» оказалась бюджетная кафешка с тревожной атмосферой. Такие заведения всегда манят разными интересными возможностями. Этого в «Буратине» оказалось хоть отбавляй.

Зал изысками меблировки не блистал. Зато пара табличек была с юморком: «Страной дураков» назывался уголок с игровыми автоматами, а «Полем чудес» – меню с золотым ключиком на кожаной обложке. В меню самыми приемлемыми оказались сосиски с горошком. Замечательная вещь, если еще с горчицей и пивом.

Вторую порцию Ваня ел медленно. Смакуя последние кусочки, он разглядывал женщину на высоком барном табурете. Немолодая, но бодрая. Поймав его взгляд, женщина подошла к столику.

– Привет! – она положила руки на спинку стула. – Не возражаешь?

– Прошу вас.

– На кого учишься?

– На папарацци.

– Ох, чему сейчас только не учат. Я Надежда.

– Очень приятно. Иван, – ему не терпелось получить информацию. Он заторопился: – В Филях я впервые. Но так получилось, что знаю Марию Курочкину…

– Ты знаком с Машкой? – удивилась женщина.

– Весьма поверхностно. А вы? Неужели знакомы?

– Были некоторые деловые контакты. Тебе нужна именно она?

– Очень! – Ваня едва не поперхнулся последним куском сосиски. – Поможете найти? Может, хотите пива?

– Что ее искать. Сама придет. А пива не пью. Да и вообще: брось привычку подкупать. Дешево это, школяр – благодарить надо иначе.

– Я студент! – крикнул Ваня ей вслед. Она равнодушно махнула рукой, залезая на высокий барный табурет.

На всякий случай пива он больше не пил. Приходили девушки – молчаливые, хохочущие, одинокие, в компании. Ванина новая знакомая отрицательно качала головой, если им доводилось встречаться взглядами. Ваня затосковал: неужели придется придти сюда еще раз? Но сегодня ему везло:

– Вы меня искали?

Он даже вскочил, так это было неожиданно. Перед ним стояла светловолосая, худощавая, чистенькая женщина, для кафе одетая достаточно скромно.

– Э-э-э… Всю жизнь! Правда, до этого момента я не очень верил в ваше существование. Хотите пива или чего-либо в этом роде?

– Сок. Грейпфрутовый. Вы в самом деле папарацци?

– В самом деле. Начинающий. Я рад, что вы не виртуальная личность. Видите ли, дело в том…

Ваня все объяснил. Даже дал почитать распечатанный очерк. Читать ей было любопытно. У Вани росла уверенность, что его поймут и помогут. Хорошо иметь дело с нормальными людьми. Но она разочаровала:

– Похоже, с отцом Кириллом я встречалась. Не смотрите на меня так восторженно: только раз и на официальном мероприятии. Присутствовала на каком-то обряде в медицинской клинике.

– Скорей всего, на освящении.

– Кажется. Насколько помнится, общался он там в основном с нотариусом.

– Что за клиника?

– Клиника академика Гринько.

– Так их целая сеть в Москве.

Она назвала станцию метро. Позже выяснилось, что Маша направила Ваню по перспективному следу, но не основному.

На этом они расстались. Кафешка все-таки была злачным местом. Бюджетным злачным местом.

Утром они с Регионой в здании универа на подоконнике обсудили дальнейший план действий. Регина была в шерстяном зеленом платье и светло-коричневом замшевом пиджаке. На ногах – теплые угги в тон пиджаку. Осень в этом году началась с холодов.

Регина считала, что ухоженная женщина всегда добьется того, чего никогда не добьется неряшливая. Для внутреннего мира оболочка важна. Если оболочка не пойми какая, то и внутри не пойми что. Ваня полюбовался ею и предложил:

– Ты такая сегодня красочная. Давай я тебя нарисую.

– Ты меня миллион раз фоткал.

– В рисунке легче отобразить внутренний мир.

– Ты умеешь рисовать?

– Угу.

– Посмотрим. Сперва обсудим план.

– Поищи Стыгара, – предложил Ваня. – Похоже, это он написал книжку о феминизме. Называется «Филиалы любви».

– Не-а, «Физиология судьбы». Он враг человечества.

– Ну, наверное, не всего, а прекрасной его половины.

– Смейся-смейся! Знаешь, он любит поговорить о Боге. Но с ним о Боге совсем не хочется говорить, вот в чем засада. Чувствую, Стыгар в плане нужной нам информации бесперспективен. По-настоящему ему не интересен ни Бог, ни те, кто по роду занятий к Нему ближе всего. Давай так. Я принимаю предложенный тобой метод…

– Это ты на предмет рисования?

– Я принимаю твой метод, но пользоваться им будем по моему. Ты берешь в разработку женщин, я мужчин. Стыгар исключение, бери его себе. У тебя здорово получилось с Курочкиной. Ты же понимаешь, мне бы так не подфартило. Ни за что в жизни!

– Это так, – сказал Ваня, довольный собой. – Но нотариус не обязательно…

– Женщина твой нотариус, уверяю тебя. Во-первых, в советские времена в нотариусы шли девушки, по юридической линии больше ни на что неспособные. Сейчас они превратились в оплывших теток, которым привалили огромные деньги. Чтоб заработать такие деньги, им нужно меньше усилий, чем их перспективным однокурсникам, ныне следователям, судьям, прокурорам, адвокатам. Этим-то тоже можно подзаработать, но все это у них очень опасно, многие уже сами под следствием или даже сидят. А тут: подпись, печать, гонорар и вперед. Они разбогатели, они тратят на себя много бабок. Благодаря своему финансовому успеху они глядят свысока на пусть более талантливых, но все-таки неудачливых однокашников… Во-вторых, не нужны отцу Кириллу мужики.

– В очерке, кроме Шевцова, мужчин больше нет.

– Значит, мне будет легче. Ты же не против, надеюсь? А с Курочкиной ты еще раз встреться. Не все ты из нее выжал.

Потом Регина рассказала, что с Шевцовым уже начала работать. Нашла в сети два его рассказа о некоем Лукине. Зачитала один из комментариев: «Нам в рассказе интересна не умозрительная хронология, а осязаемая и непрерывная протяженность Хроноса. Пусть и сжатого до какого-то масштаба. Андрей Тарковский считал, что такое время и есть главный герой всякого произведения».

Этот комментарий Ваня не понял. Регина рассмеялась: не важно! Важно, что Шевцова тянет к глобальным обобщениям. Значительные фигуры будут оставаться в поле его внимания.

– Ему важна атмосфера времени.

– В очерке он сосредоточен на мелочах. Но это обычный литературный прием…

Они заспорили. Потом пришли к совместному пониманию: в очерке для Шевцова главным было создание поэтического образа, а не развитие идеи. Разумеется, идеи всюду нужны, без них текст рассыплется. А кто их помнит? Да ну их. А вот образы…

– Гоблины, гоблины!

– Джедаи!

– Апокалипсис!

– Идеи – чтоб занять голову.

– Образы – чтоб возвысить душу.

– Не зря «образ» и «облако» фонетически близки.

Они развеселились и утвердили план действий. Потом пошли на Гоголевский бульвар, нашли пустую скамейку и Ваня начал рисовать. Регина позировала, немного переигрывая.

Минут десять Ваня что-то черкал на бумаге. Потом отдал листок девушке. Она прочла: «Рисовать я не умею. Просто ты мне очень нравишься».

– Так я и думала, – сказала Регина, разрывая лист бумаги. – Давай делами займемся.

Ваня без труда нашел нотариуса. На сайте клиники академика Гринько были размещены копии сертификатов, заверенные нотариально. Если рядом с искомой персоной дважды появляется слово «нотариус», то, как правило, это одно и то же лицо. Так и оказалось.

Но сперва пришлось поскучать в полутемном холодном коридоре – очередь на прием была приличной. Ваню приняла пожилая женщина с жидкими фиолетовыми волосами. Узнав цель его появления, она извинилась за то, что Ване пришлось так долго ждать…

– …долго ждать очень немногого: я знаю не отца Кирилла, а человека, который знал отца Кирилла очень хорошо.

– А подробности?

– Подробности? О! Подробностей была целая куча. Вряд ли они будут интересны вам – очень молодому и очень симпатичному человеку, – она улыбнулась весьма специфически. Ваня поерзал на стуле.

– Мне интересно, – ответил Ваня. – Более того, мне нужно все знать. Иногда в мелочах, вернее то, что называется мелочами, как раз и есть нужный ключик.

– Тогда вот что, – она достала из ящика стола зажигалку, пепельницу и пачку сигарет. Пару раз затянулась и потушила сигарету. – Я расскажу вам все, что знаю. Даже больше. Мне иногда самой хочется пооткровенничать – на любую тему. Найти слушателя в наши дни – большая удача. Особенно благодарного, – ее улыбка была липкой, как скотч. – Но не здесь – видите, сколько клиентов. После шести в ближайшем кафе вам удобно?

Потом Ваня никому не рассказывал, как он собирал крохи информации. Из приведенного ниже материала можно будет догадаться. Но он узнал главное: что делать и кого искать в первую очередь.

Позже он систематизировал ее рассказы, реплики, свои догадки, впечатления и знания о девяностых годах двадцатого века. Нашел книги Стыгара и даже сделал из них выписки. Для связности материал пришлось немного «олитературить». Так он поступал и в дальнейшем, надеясь, что большой беды в этом нет.

Рассказ нотариуса
1998

Было почти зимнее утро накануне весеннего праздника 8 марта, было одиноко в постели с красным спальным бельем, уже не спалось, но еще не хотелось вставать.

Женщина, которой было немного за сорок, наконец, решилась, рывком покинула широченное спальное место и направилась в ванную. Она встала под душ и нашла свое отражение в зеркале.

«Прибылова Елена Николаевна, незамужняя, есть дочь, профессия – нотариус, пол, как очевидно под душем, женский, – женщина разглядывала себя в зеркале и морщилась. Втянула в себя живот и немного приободрилась. – Тело еще ничего, а лицо… ну, лицо мы нарисуем. Кое-что в наших силах. Вообще-то, мужики стали дорогие. Женщинам даже простые мужики обходятся дороже, чем мужикам – элитные шлюхи. А этот новый Аркаша совсем оборзел, – Елена Николаевна вдруг почувствовала, что у нее совсем сбились жизненные ориентиры: за что платят, за что нет. Потом вздохнула. – Да ладно, все равно я свою жизнь по-другому не организую. Пока деньги есть, проблема с мужиками решаема».

Она взяла папку с деловыми бумагами, вложила в нее несколько листочков, переданных «оборзевшим Аркашей», села в новенькую французскую легковушку с АКПП (она меняла машины, как только что-то поцарапается или засбоит) и поехала к своей школьной подруге, работавшей в клинике профессора Гринько.

Приемная клиники была обставлена роскошно. На стенах висели иконы, которые смотрелись нелепо среди импортной мебели. В приемной было еще несколько женщин. Они листали толстые многокрасочные журналы или глядели в окна. Елена Николаевна была знакома со всеми ими. Она любила обсуждать с ними подробности туалета и некоторые пикантные вопросы. Но сегодня она не была расположена поболтать. Она встряхнулась и достала из папки листочки, отданные ей на рассмотрение «оборзевшим Аркашей». На титуле прочла: «Национальная психология». Елена Николаевна раскрыла наугад.

«Идет по селу щирий украинец в соломенной шляпе и вышитой сорочке, за руку ведет малюсенького негритенка. Сосед спрашивает: «Остапу Игнатьичу, кого це ты ведешь?» – «Внука». – «Так вин же черный!» – «То и гарно, що черный, сразу видно, що не москаль»…

Елена Николаевна хихикнула про себя, сложила листочки и закрыла глаза. Читать дальше было б веселее вслух. Но здесь это показалось неуместным.

Наконец-то пришла Маргарита Васильевна, всегда всюду запаздывающая. Она промчалась через приемную на скорости, неожиданной в такой интеллигентной женщине. За опоздание Гринько уволил бы любую, только не Марго. Его клиника была модной и дорогой. Именно здесь новые русские и их женщины, путем сложных манипуляций с их холеными телами, получали успокоение от непонятных недугов, которые на самом деле были только… Маргарита Васильевна обычно советовала пациенткам:

– Все с вашим сердцем хорошо. Не стоит так часто делать УЗИ. Вам просто влюбиться надо.

– Как же, влюбиться… Меня одну без охраны ни на шаг.

– Да я же говорю влюбиться, а не в койку прыгать!

– ??? – искренняя непонятливость пациенток доводила до смеха. Будто никогда не жили без охраны. Будто в школе романов не читали.

Профессор Гринько был настоящий сибирский самородок. По поводу медицины он нес такую ересь, что у Маргариты Васильевны вяли уши. Но Гринько вовремя понял, что нужно неожиданно быстро разбогатевшим людям. Случившееся с ними чудо заставляло их верить в невероятные возможности нетрадиционной медицины. Поэтому новые русские доверяли профессору Гринько больше, чем традиционным академикам. В свою очередь успех и популярность Гринько заставляли и академиков слушать его с открытым ртом. Гринько был профессором, сертифицированным какими-то иностранными учреждениями, неизвестными в России.

Его любимой шуткой для пациентов-мужчин была:

– Вам придется удалить правое легкое.

– Но, профессор, с легкими у меня всегда было все в порядке. Тут в правом боку что-то ниже беспокоит.

– Вот именно: печень не вмещается. Пить меньше надо.

В кабинете Марго надела белый халатик, а Елена Николаевна с удовольствием обнажилась до пояса и легла на кушетку. Поводив датчиком по неугомонному телу подруги, Маргарита Васильевна сказала:

– Да все в порядке с твоим сердцем.

– Если бы, – возразила Елена Николаевна, одеваясь, – если бы.

– Опять неудачный роман?

– Хуже. Не могу точно сказать, во сколько мне обходятся эти козлы. Но последний претендует побить все рекорды, – она покопошилась в сумочке и бросила на стол визитную карточку, исписанную витиеватыми наклонными буквами. Маргарита Васильевна взяла ее двумя пальчиками и прочла:

Аркадий Михайлович Стыгар, психоаналитик.

– Стой-стой-стой, Лена, стой-стой-стой. – Маргарита Васильевна что-то усердно старалась вспомнить. – Кажется, я его знаю.

Елена Николаевна насторожилась.

– А, может, не он, – вздохнула Маргарита Васильевна, возвращая визитку. – Одно тебе, Ленка, скажу: если у нас на курсе в мединституте кто-то был со странностями, то он обязательно специализировался по психологии, а если к этим странностям прибавлялась сексуальная озабоченность, то он в конце концов оказывался сексопатологом. Ну, рассказывай.

– Познакомились в Третьяковке. Очень интересно говорил о картинах. Обменялись визитками. А на следующий день, – Елена Николаевна возбудилась и заерзала на стуле, подложив под попку руки ладонями вниз и выпятив почти к лицу Маргариты Васильевны грудь, – представляешь, буквально на следующий день он является ко мне в нотариальную контору. Я так ему обрадовалась, даже просияла. А он это заметил, вспетушился, понес: у меня много перспективных трудов, мне от вас нужно пять тысяч долларов, чтоб их издать. Я так и присела, хоть и сидела.

– А что ты им сразу свои визитки суешь? Они ж после этого видят в тебе не просто бабу, а бабу с деньгами.

– Ну что ты, Марго, пургу метешь? Сколько мне лет? Что я – Веласкес, чтоб на своей морде что-то гениальное каждый день рисовать? Посмотри, что на голове осталось! – она в щепотке потерла свои волосы. – Надо хоть чем-то блеснуть…

– При чем тут Веласкес? Ах, да… Ну?

– Ну, гойя-врубель-пикассо. Долго догоняешь. Так вот, сидючи в кресле, я присела, а потом набралась духу и говорю: знаете, мне от вас только *одно* нужно. Гениальность, конечно, не помеха, но в данном случае она абсолютно ни при чем… А он: так я ж от *этого* не отказываюсь!

– Н-да…

– Как мне быть? – почти жалобно спросила Елена Николаевна.

– Заключи с ним контракт. Пусть переспит с тобой на пять тысяч долларов.

– А это как рассчитать? – Маргарите показалось, что Ленка задала вопрос серьезно.

– Год, полтора… Да не знаю я! А что за гениальные труды?

– Какая разница? Пусть хоть бред сивой кобылы, мне главное другое… Контракт, говоришь? А как у тебя дела?

– Да вот, мне поручено клинику освятить.

– Тебе???

– Прости, не так сказала. Мне поручено организовать процедуру.

– Бррр! Ты пригласи меня на освящение. И этого, оборзевшего. Не хмурься, он встроится. Сперва я проведу с ним собеседование. Ладно, я пошла.

И ушла с какой-то своей идеей. Маргарита Васильевна подумала, что не знает, смеяться надо или плакать. Все у людей в головках перепуталось. Потом вдруг что-то вспомнила и вслух сказала:

– Да я сама ничего не понимаю! – Она пододвинула ближе к себе телефон и быстро набрала номер, не заглядывая в записную книжку. И где-то далеко, в Филях, в ободранной квартирке раздался тихий звонок, как робкий зов потревоженного одиночества, пытающегося пробиться через расстояния, рассеяние, непонимание…

Но к телефону никто не подошел.

***

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.